

БИБЛИОТЕКА

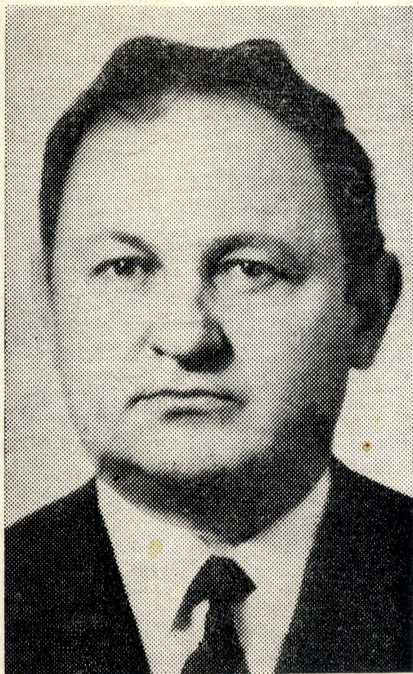
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 2

1985

Лев РУДНИЦКИЙ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ДЕКАДА

ПОВЕСТЬ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Лев РУДНИЦКИЙ

Лев Израилевич Рудницкий родился в Москве в 1925 году. В 1942 году добровольцем ушел в армию. Инвалид Великой Отечественной войны. Офицер запаса. Имеет награды. Член КПСС.

После войны работал в Канаде, США, Японии и других странах. Он — автор двух повестей, многих очерков, репортажей и статей.

Повесть «Декада» была опубликована в журнале «Огонек» в 1982 году. В настоящем издании повесть печатается в сокращении.

Офис прокатной фирмы «Розз энд Розз» располагался на втором этаже четырехэтажного дома на улице Святой Катарины.

В кабинете владельцев фирмы братьев Майкла и Эйба Розз стояли два одинаковых, очень широких письменных стола, отделанных под темный орех. Из-за непомерной величины столы казались слишком низкими. За каждым размещалось по мягкому рабочему креслу-вертушке с откидной спинкой.

Все в кабинете располагалось симметрично, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть равные права братьев-владельцев.

Апрельский день клонился к вечеру. Майкл устал. Он с удовольствием подумал о том, что сегодня фэйф-о-клок будет лишь полуделовым. Просто он заедет за женой. Вместе они отправятся в ресторанчик, где любили иногда пообедать, и заодно обговорят с хозяином окончательное меню и прочие подробности предстоящего торжества по случаю совершеннолетия их старшего сына Боба.

Майкл наклонился к решетке микрофона в столе и сказал: «Зайди, девочка». Она вошла не сразу. «Видно, поправляет прическу. Все еще хочет сохранить молодость», — подумал Майкл.

Наконец Энн вошла.

— Я слушаю, шеф...

Он открыто и приветливо улыбнулся ей, оглядывая стройную фигуру, красивые ноги, лицо, на котором морщинки не уничтожили былой красоты. Она не выдержала и улыбнулась в ответ.

— Послезавтра тебе сорок. Это выпадает как раз на уикэнд. Мы с Эйбом поздравляем тебя. Вот чек. купи, что хочешь.

...Нажимая кнопки с цифрами на телефонном аппарате, она с грустью думала о своем сорокалетии и о том, что Майкл по-прежнему заботлив и по-прежнему нечуток. Ну что ему стоило позвонить жене самому? Он, как всегда, видит и любит по-настоящему только дело, только власть и деньги.

Застучал телекс и перебил ее мысли. Она прочитала первую строку. Из Москвы. Эти сообщения шеф приказал докладывать немедленно: Москва была солидным партнером.

В это время Майкл вышел из кабинета. Он хотел постоять минут десять на улице, развеяться.

Энн кивнула на аппарат.

— Из Москвы.

Майкл остановился, дождался конца передачи, прочитал текст.

— А, дьявол, — буркнул он себе под нос и вернулся в кабинет, не закрыв дверь. — Эйб дома? — крикнул он Энн.

— Да. Я уже сообщила ему.

Майкл набрал номер.

— Эйб, ты? Нет, ты не был нужен сегодня больше, чем вчера и всегда. Да, понимаю, общество защиты домашних животных — это очень важно. Но послезавтра совершеннолетие Бобби. Ни минуты свободного времени. И прилетает Эндрю Костров. Не встретить неудобно. Я бы попросил Энн, но у нее сорокалетие. Послушай, а может, пока мы после церкви займемся гостями и устройством дел в ресторане... Что ты делаешь как раз в это время? А-а-а. Ну так вот что, дорогой брат, собери всех кошек и собак города, конечно, из приличных домов, и по очереди поцелуй их под хвост!

Из задумчивости его вывел звук телефонного зуммера и Энн, появившаяся в дверях.

— Кто там еще? — недовольно спросил Майкл.

Она пожалала плечами.

— Какой-то мистер Браун...

Майкл поднял черную трубку. Но вместо ответа услышал частые гудки.

— Не ту... Возьмите красную...

Он удивленно взглянул на Энн. Этот телефон знали только его домашние и близкие друзья. Майкл мгновенно перебрал в памяти всех Браунов. Это, наверно, Джонни Браун из Калифорнии. Они вместе воевали. На бомбардировщике, где капитан Розз был командиром, Джонни Браун летал стрелком-радистом.

Майкл схватил трубку.

— Джонни?!

Вместо ответа вежливый вкрадчивый голос спросил:

— Это мистер Розз?

— Да, — разочарованно протянул Майкл. — С кем имею честь?

— Моя фамилия Браун, Фред Браун. Я хотел поговорить с вами.

— Я хочу знать тему разговора...

— Пожалуйста, сэр. Приезд вашего гостя, будем его так называть, из Москвы.

— О'кэй. Завтра в десять я жду вас.

Хорошее настроение ушло.

...У командира батареи гвардии лейтенанта Кострова было осколочное ранение в ногу. Но в канун вступления на землю гитлеровского рейха он не хотел покидать строй.

— Никуда не сообщать,— приказал он бинтовавшему ногу пожилому сержанту-санинструктору.

Когда член Военного совета прибыл на батарею, комбат сидел на оружейной станине и кричал в трубку:

— Если не пришлете за ранеными сейчас же, напишу рапорт на имя командующего... Тогда напишу члену Военного совета. Ему можно и без субординации...

В это время его тронули за плечо.

Гвардии лейтенант рассерженно поднял глаза — кто еще ему мешает? — и увидел коренастого офицера в кожаном реглане без погон, в полевой фуражке с зеленым защитным козырьком. Офицер представился:

— Член Военного совета армии полковник Русаков.

Комбат резко вскочил.

— Товарищ гвардии полковник, вверенная мне бат-та-ре...

Из забытья Андрея вывел испуганный голос санинструктора:

— Так он же запретил сообщать. А я вижу, потеря крови большая. Я бы все равно доложил.

Полковник увидел, что Костров открыл глаза, и твердо сказал:

— Не подниматься, лейтенант. Ведете себя, как мальчишка... Поедете в медсанбат. Там решат.

— Слушаюсь.

— Командующий армией от имени Президиума Верховного Совета наградил вас и офицеров батареи...

— Живых офицеров, кроме меня, на батарее нет.

— Адъютант, запишите «посмертно». И проследите, чтобы награды были переданы семьям.

Полковник наклонился к Андрею.

— Командарм наградил тебя, гвардии лейтенант...

— Костров,— подсказал санинструктор.

— ...Гвардии лейтенант Костров, орденом Отечественной войны первой степени. Сержантов и солдат наградит командир бригады. Приказ последует.

С той поры прошло четверть века. И все это время жизнь разлучала и вновь сталкивала Андрея Кострова с членом Военного совета.

В сорок шестом году гвардии капитан Костров подал рапорт об увольнении в запас. Ему отказали. Он обратился к члену Военного совета группы советских войск. Вместо ответа последовал вызов в штаб группы. Андрея принял член Военного совета генерал Русаков. Он не забыл комбата.

— Почему просите об увольнении в запас?

— Хочу в университет и просто домой, в свою страну.

— А я, значит, не хочу домой? Если бы не твои раны и ордена, я бы о тебе плохо подумал.

Он помолчал минуту и уже другим, официальным тоном приказал: — Можете идти, капитан. Решение командования вам сообщает. Через два месяца поезд увозил уволенного в запас Андрея Кострова в Советский Союз.

Окончив третий курс факультета журналистики Московского университета, Андрей был направлен на практику в республиканскую газету. Он пришел представиться главному редактору и с удивлением узнал в нем члена Военного совета Русакова. Тот тоже узнал капитана. С той поры жизнь свела их на долгие годы. После окончания университета молодого журналиста Андрея Кострова направили на работу в ту же республиканскую газету. Главный редактор давал ему самые трудные, а случалось, и опасные поручения.

Когда главного редактора перевели на новую работу в столицу, он вызвал Кострова.

— В Москву работать поедешь?

— Это моя родина.

Так через три года после окончания университета Андрей Костров вновь оказался в Москве к великой радости жены и родителей.

...Обо всем этом вспомнил Андрей Николаевич Костров, направлявшийся в кабинет председателя правления агентства «Луч».

Русаков, несколько располневший, поднялся и обошел стол. Он подал руку Кострову и тяжело опустился в кресло, указав на такое же, стоявшее напротив.

— Задача тебе ясна? — спросил он. — На этот раз твою работу осложнят сами фильмы. Я имею в виду в первую очередь два из них: «Обыкновенный фашизм» и «Великая Отечественная». Официальная санкция властей Канады на проведение декады у нас есть. Но ты хорошо знаешь обстановку в стране. Среди эмигрантов много влассовцев, бандеровцев, бежавших из Германии военных преступников... Да и не только они...

На прощание Русаков сказал:

— Помни, валюта нам очень нужна. Однако не план валютных поступлений сейчас главное. Главное — рассказать зрителю за океаном правду о нашей стране, о нашей роли в войне, о нашем вкладе в победу. Рядовой канадец, просмотрев фильмы, должен понять: народ, такой ценой добывший победу, не может хотеть войны...

Ровно в десять часов утра в дверь из коридора в комнату Энн отворилась, и вошел высокий мужчина.

— Доброе утро. Я Фред Браун, — сказал он. — Мистер Розз ждет меня.

Пока Браун представлялся и происходил обмен обычными приветствиями и любезностями, Розз-старший изучал гостя.

Одет почти строго, но безвкусно. Пожалуй, уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Довольно толст. Глаза бегающие, неопреде-

ленного цвета. Округлые очертания подбородка, нечеткие линии чуть курного носа. Парень подловат, трусоват и хитер, решил Майкл.

Пришедший тоже внимательно разглядывал владельца фирмы. Ястребиное лицо Майкла, прямой, исподлобья взгляд его темных глаз, чуть наклоненная вперед голова, будто он собирался боднуть клиента, привычка стоять на чуть расставленных ногах и уверенное сознание неуязвимости и силы, которое излучала вся его фигура, смутили Брауна.

— Так о чем вы хотели говорить со мной, мистер Браун?

— Нас интересует мистер Костров. Точнее, то, что он собирается делать в нашей стране...

Только теперь Майкл уловил едва заметный акцент в произношении Брауна. Чтобы окончательно убедиться в своей догадке, Майкл решил перейти на французский язык. В нем любой акцент проявляется ярче и точнее.

— Что вы имеете в виду под «нашей страной»? — спросил он по-французски.

— Канаду, мсье, — ответил по-французски Браун.

Сомнений не оставалось: славянский акцент. Перед Роззом был эмигрант — русский или украинский националист. Это привело Майкла в бешенство.

— А я думал, что, говоря «наша страна», вы имеете в виду Россию!

— Мистер Розз, я пришел не за тем, чтобы спорить с вами. «Розз энд Розз» систематически выпускает на экраны страны коммунистические фильмы. Это ваше дело, хотя вы как предприниматель должны были бы понимать, что сами сгорите когда-нибудь в огне, который разожгут коммунисты. «Из искры разгорится пламя!» Вы, конечно, не слышали этих слов. Это слова Ленина. Это их девиз! Ленинская газета называлась «Искра», и он сжег Россию...

Майкл Розз симпатизировал Советскому Союзу. И не только потому, что весной сорок пятого в Австрии советские танкисты, вырвавшись неожиданно на шоссе в тылу гитлеровцев и уничтожив эсэсовцев, перегонявших колонну военнопленных в глубь фатерланда, освободили большую группу американских и канадских летчиков, в том числе и его, из нацистского плена.

Была и другая причина.

После победы Майкл Розз уволился в запас и вернулся домой, полный радужных надежд. На собственной шкуре он познал, что такое война.

Приехав домой, Майкл вскоре похоронил отца. Старик был счастлив даже перед лицом смерти оттого, что его любимый первенец выросал живым и здоровым из этой проклятой мясорубки.

Двадцатидвухлетний Майкл стал главой фирмы «Розз и сыновья», владевшей тремя небольшими кинотеатрами. Фирму пришлось

переименовать в «Розз энд Розз», так как ее владельцем наряду с Майклом по достижении совершеннолетия должен был стать и Эйб, его брат.

Майкл хотел, чтобы на экранах его кинотеатров шли фильмы, которые рассказали бы горькую правду о войне, чтобы, посмотрев их, люди поняли: это никогда не должно повториться на земле.

Но очень скоро он убедился, что найти и показать зрителю такой фильм — задача не из легких. Крупные прокатные компании диктовали свой репертуар. Они продавали «Розз энд Розз» лишь фильмы, как правило, не заставлявшие зрителя думать и дававшие большие сборы, львиная доля которых отчислялась этим компаниям.

Майкл попробовал бороться. Однако итог был плачевный. В течение полугода он оказался на грани финансового краха.

И Майкл Розз вступил в бой.

Продав кинотеатры, он поместил меньшую часть капитала на имя матери в солидный банк. Этих денег и процентов с них, по его расчетам, должно было хватить на жизнь и оплату обучения брата в одной из лучших школ в течение четырех лет.

Это были годы, когда Канада, огромная по территории страна, раскинувшаяся от Атлантического до Тихого океана, насчитывала около пятнадцати миллионов населения. На севере, на лесоразработках, не хватало рабочих рук. Майк вложил в дело все оставшиеся деньги. Получив выгодную концессию от государства, он стал лесопромышленником. Майкл первым ввел у себя усовершенствованные электропилы. Кроме того, он сразу повысил ставки на десять процентов, что обеспечило приток рабочей силы.

На лесоразработках Майкла Розза все принадлежало хозяину. Продовольствие и одежду, сигареты и вино, лекарство и газеты — все можно было купить только у него. До ближайшего населенного пункта были сотни миль. Два старых переоборудованных военных вертолета доставляли все необходимое.

Через три года Майкл Розз выгодно продал свое дело и вернулся домой, заработав двадцать долларов на каждом пущенном в оборот. Теперь он чувствовал себя на ногах достаточно уверенно и мог потягаться с сильным соперником.

Война и конкуренция научили его быть осторожным, терпеливым, хитрым и, если надо, беспощадным.

Владельцы двух крупнейших прокатных компаний, занятые грызней между собой, не придавали никакого значения, а может быть, и не заметили, что в город вернулся бывший владелец трех крошечных кинотеатров Майкл Розз. А Майкл целыми днями просиживал в библиотеке, делая выписки о том, когда, в течение какого времени, в каких кинотеатрах и с каким количеством посещений шли те или иные фильмы. Затем уточнил прокатные права фирм на эти фильмы. Вскоре он мог с неопровержимостью доказать, что фирма «Краун» находится на грани краха.

Майкл не забывал о своей конечной цели — стать независимым и полновластным хозяином. Однако на этом пути была существенная преграда. Майкл понимал, что в тот недалекий уже день, когда владельцы «Крауна» объявят о ликвидации, он, Розз, не сможет купить ее. Как только директора «Колибри» узнают об этом, они обойдут его и сами купят «Краун».

Тогда Майкл решил предупредить события.

В ту пору он начал серьезно встречаться с Энн, неглупой, мягкосердечной девушкой с прекрасной фигурой, миловидным лицом и пышными волосами.

Энн нравилась Майклу. Она не отказывала ему ни в чем, была преданной подругой. Это его устраивало. Но жениться на ней, создавать семью... Нет.

В его планы входил иной брак. Но, как солдат, он верил в дружбу и верность. Поэтому Майкл никогда не говорил с Энн о браке, наоборот, подчеркивал свое мужское легкомыслие и непостоянство. В то же время он помогал Энн, оплатил ее учебу вперед до конца университетского курса, поместил ее отца в хорошую больницу.

Теперь, взвесив все «за» и «против», Майкл решил поставить на Энн. Он поехал с подругой в Торонто и положил в «Шератон-банк» на ее имя необходимую сумму. При этом Майкл оформил у нотариуса договор о том, что деньги даются взаймы, но проценты с вложенной суммы будут принадлежать ей.

Все произошло быстрее и проще, чем предполагалось. Когда перед одним из директоров «Крауна» предстала молоденькая наивная девушка, которая потерпела неудачу в Голливуде, — такова была версия, придуманная Майклом, — но все-таки хочет приобщиться к кинематографу и вложить оставленное ей наследство в какую-нибудь кинокомпанию, тот не поверил своим ушам.

«Это отличная идея!» — воскликнул он и, велев секретарю принести ей чашечку кофе, бросился в другую комнату звонить компаньонам. Через полчаса трое разгоряченных дельцов нахваливали Энн перспективы, которые открываются перед ней. Тем временем их юрист уточнил, что на счету посетительницы в «Шератон-банке» лежит сумма в девяносто тысяч долларов.

Так Энн стала владелицей сорока процентов акций. А три недели спустя, вернувшись в Монреаль с севера, Майкл пришел к директору «Крауна».

— Я живу на севере, там у меня неплохое дело, — сказал он.

— Слышал об этом, мистер Розз.

— Но здесь моя мать и брат... Я бы купил на имя брата процентов десять — двенадцать акций «Крауна», если вы не возражаете.

Вскоре Майклу принадлежало пятнадцать процентов акций. А через два месяца компаньоны-совладельцы фирмы «Краун» продали за четверть цены оставшиеся у них сорок пять процентов

акций под угрозой полного краха. Так Майкл возродил фирму «Розз энд Розз».

Однако, став хозяином крупной фирмы, Майкл обнаружил, что теперь он, так же как прежние директора «Крауна» и «Колибри», вынужден прокатывать не те фильмы, которые ему хотелось бы. Какая-то не зависящая от него сила поворачивала руль проката, и он не мог либо почти не мог бороться с этим.

Обстоятельства изменились, когда несколько лет спустя он познакомился в Каннах на кинофестивале с представителем советской фирмы Андреем Костровым. После просмотра русского фильма, имевшего огромный успех, стало ясно, что ему присудят «Гран-при». Режиссер фильма устроил прием.

Андрею Кострову было столько же лет, сколько Майклу. Немного выше среднего роста, коренастый, с красиво вьющимися светлыми волосами, чуть вздернутым носом и открытым взглядом серых глаз, он сразу понравился Майклу. А когда канадец узнал, что Андрей воевал и тоже капитан запаса, последние преграды рухнули.

Они говорили без умолку о прошлом, о боевых друзьях, о ранах, о войне, которая не должна повториться.

Костров пригласил Розза в Москву. Приехав впервые, Майкл открыл для себя новый мир. Не все было понятно и приемлемо для него, но люди ему понравились.

С тех пор Майкл часто бывал в Москве. Иногда он подшучивал над некоторыми непонятными или казавшимися ему смешными вещами. Но только с этими партнерами он чувствовал себя спокойно, не ожидал удара в спину. И поэтому здесь он всегда мог немного отдохнуть. В такие часы Майкл бродил, иногда с Андреем, а иногда совсем один. Майкл увлекся историей России и, познакомившись с ней, открыл для себя Толстого, Достоевского, Чехова, с удовольствием читал переводы Пушкина, изучал его эпоху. Тогда он и услышал впервые знаменитую фразу: «Из искры возгорится пламя!» Сила духа декабристов и их далекое пророчество поразили Майкла.

И вот теперь этот тип не только вмешивается в его, Майкла, дела, но и старается втянуть его в свою грязную политику.

— Вы приписываете Ленину то, чего он не говорил.

Лицо Майкла побагровело. Он уже готов был выставить Брауна за дверь, но сдержался. Помолчав минуту и успокоившись совсем, спросил:

— Ладно. Чего вы хотите?

— Нам известно, что ваша фирма должна предоставить в распоряжение Кострова помощника, администратора. Мы бы хотели предложить вам человека на эту роль.

— Что?! Мне, солдату, вы предлагаете предать солдата?!

— Я тоже воевал, мистер Розз.

— С кем вы воевали, черт вас побери? Против Гитлера?

— Нет, против Сталина.

Майкл втиснулся в кресло, зажал кисти рук между коленями и тихо, но так, что Браун испуганно вскочил, сказал:

— Убирайтесь вон!.. Энн! — крикнул он. — Проводи мистера... Да поскорей, не то меня увезет полиция...

После приема у председателя Андрей вышел на Тверской бульвар. Весна в этом году была ранняя и дружная. В середине апреля почки не смогли сдержать накопившейся силы, лопнули и деревья покрылись зеленью листьев.

Только что отгремел гром. Гроза ушла, но над городом еще моросил мелкий теплый дождь.

Андрей поднял воротник кожаного пальто и зашагал вниз, к памятнику Тимирязеву. Он знал, что дома уже ждут...

— Наконец-то, — сказала Сашенька, выбежав из кухни в прихожую. Андрей невольно залюбовался ею. Раскрасневшаяся возле плиты, миниатюрная и, как всегда, подтянутая, она светилась преданностью и любовью. И только в глубине ласковых серых глаз затаилось тревожное ожидание. Андрей чувствовал эту тревогу, знал, что она начнет затухать лишь в тот день, когда, вот так же хлопоча по дому, Сашенька встретит его, вернувшегося целым и невредимым.

— Папа, приветик! — крикнула ему из комнаты Анютка, возившаяся с проигрывателем. Зазвучала тихая и плавная мелодия. На душе стало хорошо и спокойно.

Он вошел в столовую. В комнате были самые близкие и дорогие ему люди. Он оглядел их, обнял отца, мать. Подумал — нервничают. Кивнул Гене — своему ближайшему другу. Они уже виделись сегодня на работе.

Сели за стол, в центре которого стоял только что вынутый из духовки пирог с капустой — фирменное блюдо мамы. Запах его был знаком и мил с детства.

— Ну, сынок, давай за мягкую посадку, — сказал отец, и все стали чокаться с Андреем, желать доброго пути.

А он, несколько смущенный вниманием, поблагодарил и тут же незаметно перевел разговор в другое русло. Это удалось, и он, стараясь говорить поменьше, смотрел и слушал, запечатлевая в памяти дорогие лица и голоса. Андрей хорошо знал по прошлому опыту, что там, вдали от дома, ему их как будет не хватать этих родных и близких людей...

— Энн, — сказал Майкл, вернувшись после ланча, попробуй-ка разыскать моего брата.

— Он позвонил мне, когда у вас был этот Браун, и сказал, что

выезжает в офис, но до сих пор не явился. Я связывалась с домом — его нет и там... Может быть, с ним что-нибудь случилось в дороге?

...Эйб вошел в кабинет и остановился у дверей. Перехватив взгляд брата, он изобразил постную гримасу и, вздохнув, сказал:

— Я здесь.

Майкл уже успокоился. Во всяком случае, он спросил просто, без издевки:

— Эйб, что мы будем делать с Эндрю?

— Я уже нашел подходящего человека...

— Вот как? — удивился старший брат. — Да ты понимаешь, какой человек нужен Эндрю? Не кошка, а тигрица!

— Она такая и есть.

— Кто она?

— Ее зовут Мэри Фергюссон. Она изучала русский, по-моему, в Гарварде. Деловая женщина с прекрасными отзывами...

— От кого отзывы?

Эйб замялся и покраснел.

— Ну, ладно, ладно. Но успеем ли мы ее проинструктировать? Ведь Эндрю прилетает завтра, когда мне будет совсем не до нее.

— Это я беру на себя...

Мэри Фергюссон была красивой тридцатилетней шатенкой. Вопреки моде длинные волосы крупными локонами спадали на чуть опущенные плечи. Прическа а-ля Дина Дурбин мягко и естественно обрамляла округлое, с чуть вздернутым носом лицо. Густые черные ресницы прикрывали блеск ее темных глаз.

Она вела свой синий, прошлогодней модели «шевроле», безнадежно пытаясь обогнать поток машин, упорно рвавшихся к скоростной трассе, ведущей в аэропорт.

Мэри могла не торопиться: до прибытия самолета оставалось еще больше часа. В сумочке лежал круглый жетон пропуска, дававший право выхода на летное поле, но она никак не могла решить, следует ли им воспользоваться. «Если успею вовремя — пойду. Если задержусь — буду ждать у таможенной стойки», — подумала она.

В аэропорт Мэри доехала за пятнадцать минут. Она поставила свою машину и побежала в здание аэропорта. На справочном электронном табло сведений не было. Поднявшись на эскалаторе на второй этаж, Мэри быстро нашла стойку «Аэрофлота».

— Самолет приземлился, мисс, — любезно ответил дежурный.

«Теперь можно не спешить», — подумала она и медленно направилась к табачному киоску, чтобы оттуда спуститься в таможенный зал.

Мэри шла неторопливо и ловила на себе откровенно восторженные взгляды мужчин. Это вызывало у нее чувство покоя, удовлетворения и уверенности в себе.

Мэри встретила Кострова в таможенном зале. Почему-то она сразу догадалась, что это он, увидев его в очереди, вытянувшейся к таможенной стойке. Она отметила, что Костров хорошо сложен. Он легко, одной рукой положил на стойку большой чемодан и, ловко щелкнув замками, откинул крышку.

Мэри Фергюссон уже давно приготовила визитную карточку младшего босса фирмы «Розз энд Розз». Но Костров, пройдя таможенника, сразу повернул вправо и подошел к мужчине, который, очевидно, тоже встречал его.

— С благополучным прибытием.

— Спасибо,— сказал Костров.

Они говорили по-русски, и она с удовольствием отметила, что все поняла.

— Как летели? — спросил мужчина.

— Отлично. А ты приехал из Оттавы встречать меня?

— Представь себе, да...

— Я твой должник.

Потом встречавший взял чемодан и поставил его на тележку. Лицо подкатившего ее носильщика было обезображено грубым шрамом. Он неотрывно глядел на Кострова. Однако Костров и его товарищ не обратили внимания ни на носильщика, ни на Мэри Фергюссон. Она выбрала подходящий момент и сделала шаг в их сторону.

— Вы мистер Костров? — спросила она.

Он посмотрел на нее немного удивленно, но это было не такое удивление, к которому она привыкла. Он глядел не как другие мужчины.

Костров взял протянутые ему визитные карточки.

— Братья Розз не смогли встретить вас сегодня. Они сожалеют об этом,— сказала она. И объяснила, что у Бобби, первенца Майкла Розза, сегодня конфирмация. Вместе они вышли на улицу.

— Моя машина вон там. Я сейчас подгоню,— опередил ее русский.

— А вы на машине? — спросил ее Костров.

— Да, она на стоянке. Линия 9-СИ,— ответила она, хотя теперь это уже не имело смысла.

— Ну, отлично. Спасибо за заботу.

...Она села в машину и, не торопясь, поехала в город.

«Костров, Костров, черт бы его побрал! Он глядел на меня так же, как на носильщика: приветливо, вежливо... и все. Нужно было надеть синее платье с белой отделкой, и легкий светлый плащ. Когда собиралась, чувствовала, что делаю что-то не то. Да и шеф тоже целое утро морочил голову: не то инструкция, не то сальные намеки. Боже, как он мне надоел...

Ну ничего, мистер Костров, вы еще пожалеете!»

Несмотря на то, что после вчерашнего торжества Майкл лег спать лишь в три часа ночи, ровно в девять он был в офисе. Через окно он видел часть улицы: ехали машины, шли редкие уже прохожие. Город начал работать. Пора и ему подумать о делах.

Однако совсем другая мысль занимала Майкла. На вчерашнем торжестве был его знакомый, владелец заводов картонной тары, и с ним жена и единственная дочь. «Неплохая девчушка», — отметил Майкл. Потом не раз за вечер Майкл ловил взгляды, которыми она обменивалась с его Бобби. Интересно, сколько стоит ее отец? Судя по новенькому, последней модели «кадиллаку», дела его идут неплохо.

«Нужно будет навести справки», — подумал Майкл.

— Шеф, возьмите черную трубку, звонит русский...

— Хелло, Эндрю! С приездом. Рад слышать тебя. Когда ты будешь? Через два часа? Отлично! Кстати, ты ужепил кофе? Ол райт. Больше ни крошки. Береги аппетит. Поедем вместе в «Михель стейк хауз»...

Он положил трубку. Вошла Энн с двумя маленькими подносами. На одном стоял небольшой кофейник, чашечка и сахарница. На втором лежала стопка писем.

Первое же из них разозлило его. Владелец большого кинотеатра на Онтарио-стрит в вежливой форме сообщал, что не сможет принять предложение о прокате русских фильмов в конце мая, так как в это время «Колибри» дает ему на месяц новый музыкальный фильм на весьма выгодных условиях. Он готов платить неустойку. «С чего бы это?» — подумал Майкл и вспомнил вдруг о телефонном разговоре с Торонто в прошлую среду. Рыжий ирландец Дик О'Салливан, агент фирмы «Розз энд Розз», был явно взволнован, когда сообщил о том, что хозяин кинотеатра в этом городе до сих пор медлит с окончательным ответом... Тогда Майкл не придал звонку особого значения. Но теперь все это не на шутку встревожило его.

— Что будем делать, Эйб? — спросил Майкл у вошедшего брата. — Это явно смахивает на заговор. «Колибри» подводит под нас мину.

Обращаясь к Эйбу, Майкл не ждал ответа, а как бы вслух говорил сам с собой, но тот неожиданно сказал:

— Вообще ты, по-моему, зря ввязался в эту историю... И так на нас многие косятся из-за того, что мы прокатываем коммунистические фильмы. Они наверняка привезут пропаганду.

— Пусть об этом думает цензура, — зло ответил Майкл. — И потом в данном случае они привезут «Обыкновенный фашизм», «Великую Отечественную» и еще несколько фильмов. Это антивоенные ленты. Я их видел.

— Майкл, пойми, мы живем в свободной стране. Мы против насилия... А они смакуют в фильмах, как убивали немцев.

— Кто тебе это сказал, болван?!

— Не злись. И перестань меня оскорблять. Разве ты не видел их фильма о битве под Москвой? Они показывают там трупы застывших в ледяной пустыне немецких парней...

— Ты трижды болван.— У Майкла заиграли желваки на скулах, задергалась левая бровь.— Эти парни были гитлеровцами, нацистами... Если бы русские не убили их, то, может быть, они убили бы меня. Тогда ты сейчас не сидел бы перед живым братом, а работал бы за семьдесят долларов в неделю рассыльным в магазине готового платья мистера Розена, кстати, тоже немца, бежавшего из Германии после того, как мы разгромили Гитлера.

— Это все пишут в левых газетах...

— Это говорю тебе я, твой брат! — Майкл сильно стукнул кулаком по столу.— Ну ладно. Пускай это политика, которой ты не желаешь заниматься. Но то, что каждый третий доллар в твоём кармане заработан на фильмах, купленных в России либо в Восточной Европе, ты понимаешь?! Откажись от этих денег, выбрось их... А как их делать? Это моя забота?

Майкл не видел Кострова больше года. С удовольствием, бесцеремонно разглядывая он своего старого партнера и, оставшись довольным осмотром, сказал:

— Верикарашо! — Потом добавил по-английски: — Как это у вас в песне? — И опять по-русски: — Солдат — всегда солдат.

— Как мои дела? — поинтересовался Костров.

— Расскажу по дороге и за столом,— ответил Майкл. Андрей уловил тревогу в голосе и почувствовал, как все в нем напряглось...

В приемной у Энн сидела Мэри. Сегодня на ней было то самое синее платье с белой отделкой, которое она не надела вчера. Она встала, протянула руку. Сначала Кострову. И почувствовала, как ее ладонь осторожно и надежно сжали сильные пальцы Андрея. Какое-то странное чувство осталось у нее от этого рукопожатия. С боссом было проще. Он внимательно и восхищенно оглядел ее. Это был обычный мужской взгляд, к каким она привыкла, и он вернул ей чувство покоя и уверенности.

— Мистер Костров, мне ждать вас здесь? — спросила она.

— Мы вернемся часа через два,— полуутвердительно-полувопросительно сказал Андрей, глядя на Майкла.

— Да, вероятно.

— Тогда и вы пообедайте и подумайте, где можно снять недорогую приличную квартиру.

— Это сложно, ведь вы всего на месяц...

— Верно. И все же попытаемся. Гостиница угнетает меня. Да, и позвоните куда-нибудь насчет аренды машины «форд» либо «шевроле». Обязательно новой.

— На аренду нужны гарантии.

— Энн, подготовь бумаги,— вмешался Майкл, еще раз бесцеремонно оглядел Мэри и вышел вслед за Андреем в коридор.

«Михель стейк хауз» находился на тихой улице. Обеденный зал помещался на втором этаже двухэтажного дома. Здесь не было светящейся рекламы и призывно сверкающих стеклом подъездов. Ресторан был рассчитан на людей, делавших большой бизнес. Тут вкусно кормили, не отвлекали музыкой и шумом множества посетителей.

Когда официант, приняв заказ, ушел, Андрей вновь спросил:

— Так как дела?

— Пока не очень ясно,— ответил Майкл.— Но я обеспокоен, признаюсь тебе.

— Почему?

Розз рассказал о полученном сегодня утром письме и о телефонном разговоре с Торонто.

— Мне понятно, что это — дело рук «Колибри». Однако мотивы и методы необычны. Они явно хотят лишить меня экранов. Но зачем? В такое невыгодное для проката время осторожный хозяин приплатит, чтобы не прогореть. Директора «Колибри» отлично понимают это.

Когда Андрей знал, откуда грозит опасность, он сразу успокаивался. Неопределенность ожидания, тревожное предчувствие уступали место напряженной работе мысли, поиску верного решения. Так бывало с ним всегда. Так было и теперь.

Правда, знал он еще слишком мало и в то же время больше Майкла, ибо лучше его понимал, кому и почему показ фильмов, раскрывающих истинное лицо войны, рассказывающих правду о фашизме, придется не по вкусу.

Фред Браун осторожно спустился по извилистым съездам на третий этаж подземного гаража. Он тщательно закрыл изнутри окна и вылез из машины. Дверь, помимо обычного замка, запер еще на дополнительный, секретный, спрятанный под ручкой. Потом проверил, хорошо ли закрыт капот. Лишь убедившись в надежности всех запоров, не торопясь, направился к лифту.

Бесшумная кабина быстро понесла его вверх и остановилась, когда на табло зажглась цифра «18». Браун пошел по длинному коридору, освещенному лампами дневного света.

Слева и справа были одинаковые, отделанные коричневой пластмассой двери и на каждой небольшая, похожая на соседнюю табличка.

Браун остановился у двери с надписью: «Доктор Ф. Браун. Стоматолог». Он открыл ее своим ключом, однако в прихожей уже сидела сестра в белом халате и шапочке. Она встала.

- Кто-нибудь есть?
- Нет, шеф.
- Я вам уже сто раз говорил: не шеф, а доктор.
- Да, доктор.
- Почта есть?
- Да, доктор. Вам оставили письмо.

Он взял конверт, подозрительно оглядел его и ушел во внутренние комнаты.

Браун уселся в низкое глубокое кресло, положил ноги на журнальный столик, вскрыл конверт и аккуратно вынул из него два больших листа белой бумаги. Прежде чем начать читать, он внимательно оглядел письмо. Все было правильно. Слева ровно отогнуты поля. Недаром командир зондеркоманды Бруннер говорил о нем: «Алекс хотя и русский, но очень способный и, что удивительно, аккуратный человек».

Браун задумался: Алексей Митин. Как давно это было! «Возьми себя в руки», — приказал он себе и начал читать первый лист, исписанный мягким округлым почерком.

«Костров Андрей Николаевич. Ответственный за проведение декады советских фильмов.

Прилетел из Москвы 14 апреля рейсом Аэрофлота. Имел при себе чемодан с носильными вещами и портфель, вероятно, с документами.

Из аэропорта уехал в отель с сотрудником русского посольства на «бьюике». Цвет синий. Номерной знак 27-477 дипломатический.

Установлено, что с Костровым прибыл груз весом шестьсот двадцать килограммов: реклама, двадцать семь яуфов с фильмами, два проекционных переносных аппарата для демонстрации 35-мм фильмов.

Сколько-нибудь серьезного разговора с Костровым не состоялось. Собщить о нем что-либо дополнительно не могу.

Первая рабочая встреча назначена на 15 апреля после телефонного уточнения. Место встречи: офис фирмы «Розз энд Розз».

*Долли.
14 апреля 1969 года».*

Браун поднялся, подошел к небольшому шкафу, вынул толстую тетрадь и что-то записал. Потом сделал пометку на донесении и, пробив его дыроколом, защелкнул лист в держателях тяжелой папки из плотного картона.

Мэри Фергюссон должна была заехать за Костровым в отель. Договорились, что ровно в девять он спустится вниз. С утра Андрей хотел разделиться со всеми бытовыми вопросами: снять квартиру и взять в аренду автомобиль с тем, чтобы в дальнейшем больше не отвлекаться от дел. Они будут, очевидно, трудными.

Однако планы пришлось изменить. Андрей уже завязывал галстук, когда зазвонил телефон.

— Это ты, Дрю? — раздался в трубке голос Майкла. — Приезжай, есть разговор.

Розз больше ничего не сказал, но Андрей по встревоженному тону Майкла понял, что появилось еще какое-то осложнение.

Мэри уже ждала его. Он поздоровался, сел в машину и попросил:

— В нарушение нашего плана я хотел бы заскочить к мистеру Роззу в офис.

— О'кэй, — бесстрастно ответила она.

«Удивительно хороша!» — подумал Андрей.

...Вместо приветствия расстроенный Майкл протянул Андрею вскрытый конверт: «Читай!»

Владелец кинотеатра из Торонто сообщал, что в силу более раннего и выгодного контракта с фирмой «Колибри» он не может принять предложение «Розз энд Розз» о проведении декады советских фильмов в его кинотеатре.

— Кажется, «Колибри» дает мне бой, — сказал Майкл. — Но деньги? Ведь дела «Колибри» из рук вон плохи.

Костров догадывался, откуда появились деньги у «Колибри».

— Можно предположить, что в ближайшие дни подобные письма придут и из Квебека и Оттавы, — сказал он.

— Ты так думаешь?

— Я в этом почти уверен...

Как это ни странно, но после разговора с Майклом Андрей несколько успокоился. Теперь он точно знал: обструкция со стороны владельцев кинотеатров не случайна. Она организована одной рукой. Нужно искать иной выход, новые решения, и его мозг уже напряженно работал над этим.

— Я вчера не теряла времени даром и могу предложить несколько подходящих вариантов насчет квартиры, — сказала Мэри Андрею, когда он вновь сел к ней в машину. Украдкой она внимательно взглянула на него.

— Вы чем-то расстроены, босс?

— Меня зовут Андрей Костров, — недовольно проговорил он.

— О'кэй, мистер Костров, — согласилась она. И тут же добавила по-русски: — Я могу называть вас Андрей Николаевич, если хотите.

Он обернулся к ней.

— Называйте меня так, как принято в вашей стране.

— Отлично. А вы можете звать меня просто Мэри. Это проще и короче, чем мисс Фергюссон...

Они ехали по Сан-Кэтрин и вскоре остановились возле красивого четырнадцатизэтажного дома. Андрей прочел название улицы «Мезанёв».

Хозяйка, высокая, непомерно толстая женщина с неприятным лицом, не желала сдавать квартиру на месяц. Мисс Фергюссон долго убеждала ее, и наконец та согласилась за триста пятьдесят долларов сдать двухкомнатную квартиру на девятом этаже.

Они втроем поднялись наверх. Хозяйка подошла к двери, на которой была табличка с цифрой «902».

«Двухкомнатная» квартира не имела прихожей. Андрей из коридора сразу попал в комнату-кухню площадью метров в семнадцать-восемнадцать. Слева стояла электроплита. Рядом холодильник. В углу телевизор на поворотной ножке. Два кресла и журнальный столик стояли у окна. В центре — небольшой стол и четыре стула. Из кухни дверь вела в маленькую, не более восьми метров комнату. Здесь стояли кровать, комод, тумбочка и крошечный пуф. Вдоль задней стенки помещался гардероб.

По требованию хозяйки он уплатил за месяц вперед, взял внизу ключи, и они поехали выбирать автомобиль.

Костров остановился на новеньком двухсотдвадцатисильном «шевроле».

Внимательно осмотрев и опробовав машину, Костров тут же застраховал ее от аварий.

В четверг Андрей поднялся в шесть часов утра, открыл дверь на балкон. Сделав зарядку, он принял душ, побрился. Съев две невкусные сосиски и баночку йогурта, спустился во двор, где стояла машина. Было семь часов утра. В посольстве ему нужно быть в одиннадцать, а до Оттавы более ста двадцати миль.

Выезжая со двора, Андрей заметил, что одноглазый привратник смотрит вслед через большое окно.

Через три часа Костров подъехал к ограде, за которой в глубине двора стоял красивый двухэтажный особняк. На медной табличке порусски и по-английски было написано: «Посольство Союза Советских Социалистических Республик».

...В Монреаль Андрей возвращался внутренне собранный и успокоенный. Панацеи от всех бед у него не было. Но трезвая оценка и глубокий анализ ситуации, характеристика могущих противоборствовать успеху декады советского киноискусства сил помогли Кострову правильно определиться. Он изменил план подготовки и проведения декады, вновь тщательно, до мелочей продумал каждый шаг. Большое участие в этой работе принял советник по культуре, тот самый, который встречал Кострова в аэропорту.

Андрей запомнил его напутственные слова:

— Этот Розз, кажется, честный бизнесмен и неплохо относится к нашей стране. Такие люди помогают культурному сотрудничеству между народами, и контакты с ними надо ценить...

Майкл встретил Андрея в офисе пытливым взглядом.

— Ну, что тебе сказали ваши? Наверно, винят меня: буржуй Розз все это подстроил?

Андрей рассмеялся.

— В посольстве считают, что буржуй Розз — честный парень.

— Я тебе сейчас не слишком верю. Но ты можешь рассчитывать на фирму «Розз энд Розз»: мы с братом ведем открытую игру.

— На кинотеатры, с владельцами которых велись предварительные переговоры, можно поставить крест, — сказал Андрей. — С этим ты согласен?

— Очевидно. Эндрю, я кое-что придумал. Кинотеатры будут. Это не твоя забота. Но вот зрители, черт бы их побрал! Как загнать их в подземелье, когда весь город едет в парк на гору вдохнуть вечерней прохлады?

— Если «Розз энд Розз» обеспечит для начала хотя бы один кинотеатр, все будет в порядке. Мы прорвемся к зрителям.

Майкл выдохнул облако сигаретного дыма.

— «Розз энд Розз» даст залы, — еще раз подтвердил он.

Андрей и раньше был убежден, что фирма найдет кинотеатры. Но он предполагал вырваться за пределы этих кинотеатров. Ведь декадные фильмы не проданы фирме «Розз энд Розз». Кроме того, советская сторона гарантировала владельцам твердый минимум. Это было не очень выгодно, но зато развязывало Кострову руки.

Правда, когда Андрей поделился с Майклом своими планами показа фильмов вне кинотеатров, Розз-старший возразил:

— Помимо твердого минимума, нам причитается сорок процентов от сборов, если они превысят сумму гарантии.

— Верно, Майкл. Однако несколько показов на стороне будут лишь своего рода рекламой. Согласись, они должны привлечь дополнительных зрителей.

— Ну что ж, валяй! Может, ты и прав.

И Костров приступил к выполнению своего плана.

«Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 14 апреля.)

К непосредственной работе по подготовке декады Костров меня не привлекает.

По его поручению подыскала квартиру. Костров поселен в соответствии с вашими указаниями. Адрес: Мезанёв-стрит, дом 12, апартамент 902.

Сегодня же, 15 апреля, Костров взял в аренду на фирме «Смитт» «шевроле-220», модель Беллайр, цвет темно-синий. Несмотря на то, что я рекомендовала ему в соответствии с инструкцией подготовленную машину с красной обивкой, он выбрал другой автомобиль — обивка светло-серая. Номерной знак... У меня сложилось впечатление, что Костров предпочел эту машину только по эстетическим соображениям.

Долли. 16 апреля».

Браун два раза перечитал донесение, открыл сейф и положил листок в папку, не подшив его. Затем надел белый халат и через стоматологический кабинет, обогнув сверкающее никелем и непотертой кожей зубоврачебное кресло, вышел в прихожую. Клиентов не было. Медицинская сестра читала «Лайф».

— Попросите мисс Фергюссон связаться со мной по телефону с четырех до четырех с четвертью пополудни сегодня либо в это же время завтра.

Костров разместился в комнате по соседству с кабинетом братьев Розз. Комната была светлая, со вторым столом для мисс Фергюссон, большим металлическим рабочим шкафом.

На следующий день после разговора с Майклом о дополнительном показе Костров поручил Мэри:

— Поезжайте, пожалуйста, в аэропорт и узнайте, когда таможня выпустит мой груз. Подумайте о транспорте. Фильмы — на склад «Розз энд Розз», рекламу туда же, а картонный ящик сюда.

Когда Мэри вышла, он подвинул к себе кипу газет, нашел нужную и вырезал объявление, обведенное красным фломастером. Потом вынул из портфеля небольшую черную папку и скрепкой подколол объявление к какому-то документу. Затем набросал на листочке план действий и просмотрел утренний выпуск газеты. Наконец, захватив портфель, Андрей направился к выходу.

...С шефом рекламного отдела телевизионной компании Костров договорился о встрече еще вчера, и тот уже ждал его.

Толстяк Гриссом был едва ли не кормильцем компании. Его служба давала основной доход. Пропорционально доле дохода был и авторитет «толстяка», как звали его за глаза сотрудники.

Гриссом был в отличном расположении духа. Впрочем, иным его видели редко.

— Мистер Костров, вы опять порхнули через океан?! Ха-ха!.. Что вас привело ко мне? Ваши дела в порядке. Деньги поступили. Реклама пойдет в эфир точно в срок и в указанные часы. Вы идете между слабительными таблетками «Вихрь» и пивом «Молсон». Договор подписан, но если вас что-нибудь не устраивает и я в состоянии вам помочь, — я готов. Имейте лишь в виду, — он обеспокоенно заерзал в кресле, — объем сокращать нельзя. Все уже сколочено!

Андрей понимал, что компания не пойдет на сокращение рекламы. Ведь каждая минута приносила ей тысячу долларов.

— Сокращать я не собираюсь.

— Прекрасно, — опять заулыбался Гриссом. — Так что же, добавить?

— Нет, я бы хотел переставить.

— У вас отличное «окно». Вы идете в разрывах боевиков. Между «Вихрем» и «Молсоном» — это очень, очень хорошо! Сначала мы прочищаем кишечник зрителю. Он сидит и кисло размышляет над

своим колитом. Потом мы предлагаем ему кружку доброго пива. Настроение у него поднялось. И тогда он вспоминает, что только что его звали в кино. И он спешит в кино!

— Я бы хотел перенести передачу с двадцать второго на девять часов пятнадцать минут вечера двадцать девятого, — сказал Костров.

— А четыре с половиной минуты двадцать девятого? — настоярился Гриссом.

— Перенести на двадцать седьмое, — успокоил его Костров.

— Нет, уже поздно...

— Жаль, — сказал Андрей. — Я хотел в этом случае увеличить передачу еще на три, даже на пять минут...

«Пять тысяч долларов!» — радостно подумал Гриссом.

— Что ж, давайте посмотрим верстку программы.

Он достал журнал, полистал и с грустью отложил его.

— Ничего не выйдет. На это время запланировано выступление представителя организаций ветеранов войны и борцов за мир Здислава Пшебыльского. А потом будут показаны уже отобранные ими отрывки из фильмов о войне.

— Вот и отлично... Я все улажу. Деньги перечислю завтра. Вы даете мне десять минут с девяти пятнадцати до девяти часов двадцати пяти минут. Но одно условие...

— Условие? Какое?

— Вы можете сохранить в тайне до выхода в эфир новую программу и сам факт наших переговоров?

— Мы солидная компания...

Прямо из телекомпании Костров поехал домой. Поднимаясь в лифте, Андрей почувствовал голод. Пообедать он так и не успел. Войдя в квартиру, Костров внимательно огляделся. Чемодан стоял не так. Он ухмыльнулся и неопределенно сказал сам себе: «Ну что ж...»

Переодевшись и умывшись, Андрей поставил на плиту сковороду, обжарил несколько ломтиков бекона и разбил три яйца.

Прошло минут двадцать, и раздался телефонный звонок.

— Хэлло, мистер Костров, говорит Мэри. Груз прошел досмотр. Рекламу и проекционные камеры можно вывозить завтра.

— Отлично, — сказал Андрей.

— С фильмами хуже. Осложнение серьезное: нет аннотаций, и мы не в состоянии доказать, что они были...

Она замолчала, ожидая реакции Кострова, но он не спешил с ответом, и мисс Фергюссон начала снова:

— Я подумала, мистер Эндрю, что ведь вы, очевидно, помните все эти фильмы и могли бы написать новые аннотации. Право же, это займет у вас немного времени. Дня три...

Костров слушал Мэри Фергюссон и думал. Ей наверняка известно, что аннотации включают в себя, помимо краткого содержания, фильмографические данные: объем, цвет, формат, фамилии и имена

членов съемочных групп. Чтобы написать новые, потребовались бы не день, не два и не три.

— Мистер Эндрю, ну как вам нравится мой план?..

— Он не годится...

Из трубки разочарованно донеслось:

— Но почему?

Андрей не стал объяснять. Он поручил мисс Фергюссон еще сегодня созвониться с транспортной фирмой.

— Попросите машину с тентом. К полудню она должна быть у таможни.

— О'кэй,— ответила Мэри. И настороженно спросила: — А зачем тент?

— Проекционная аппаратура боится влаги,— ответил он.

«Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 16 апреля с. г.)

Восемнадцатого апреля Костров приехал в офис «Розз энд Розз» в четырнадцать часов чем-то озабоченный. До шестнадцати часов тридцати минут он просидел у хозяина в кабинете. Младший партнер отсутствовал.

Когда Розз уехал, Костров вернулся к себе. У меня сложилось впечатление, что он был удовлетворен разговором с владельцем фирмы.

Костров посетовал на то, что в городе вечером нет ничего интересного, и он с радостью ждет начала гастролей Филадельфийского симфонического оркестра и концертов органной музыки.

Я заметила, что в городе идут два фильма — французский и итальянский, говорят, они хороши, но я боюсь судить, так как сама не видела.

Костров выслушал меня и сказал, что не смотрел эти фильмы, поэтому тоже не может о них судить. Он сделал вид, что не понял намека.

В пять часов Костров отправился домой.

В семь часов я проехала Мезанёв и заглянула во двор. Машина Кострова стояла на месте.

Долли. 18.IV. с. г.

Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 18.IV. с. г.)

Сегодня в полдень Костров неожиданно поручил мне съездить в аэропорт и навести в таможне справки о багаже. Это поручение показалось мне странным. Однако Костров настаивал, и я в 11 ч. 30 м. вышла из офиса. Я отъехала и минут пятнадцать наблюдала с угла Сан-Кэтрин и маленького переулка. Машина Кострова стояла на месте.

Уходя, Костров просил секретаршу передать мистеру Роззу, что после ланча будет дома, так как ему нездоровится.

Привратник дома на Мезанёв подтвердил, что Костров, возвратившись, больше не выходил. В 14 часов 30 минут я позвонила ему и сообщила о результатах поездки. Костров выслушал меня спокойно.

Таким образом, кроме офиса фирмы «Розз энд Розз», Костров в этот день нигде не был.

Долли. 19.IV. с. 2.

Андрей Костров — СССР.

Передано грузчику таможи аэропорта Дорваль Максу Формэну 50 (пятьдесят) долларов.

*Долли. 19.IV. с. 2.**

Браун прочел донесения и убрал их в сейф, отложив в сторону расписку. Потом взял ее, внимательно рассмотрел на свет и сокрушенно покачал головой. «Вот дура. Взяла и написала прописью «пятьдесят». Жалко», — подумал он и сунул расписку туда же.

— Вы передали мисс Фергюссон мое распоряжение? — спросил Браун у сестры.

— Да, шеф. Она будет звонить ровно в четыре...

В первый же вечер своего новоселья Костров на всякий случай открыл телефонный аппарат и увидел внутри на панели крошечный грибок. Его шляпка немного напоминала круглый дверной звонок. Андрей ничего не тронул: он лишь хотел удостовериться в том, что за ним следят. Если бы он снял грибок, то появился бы новый. Кроме того, тот, кто следил за ним, понял бы, что Костров знает об этом. По характеру устройства Андрей понимал, что за ним наблюдает не полиция или какой-нибудь другой государственный орган.

Поэтому Костров накинул плащ и спустился вниз. Выходя из дома, он спросил одноглазого портье, которого мысленно окрестил «циклопом».

— До которого часа торгует большой продовольственный магазин на углу?

— До семи, сэр! — ответил «циклоп», глядя мимо Андрея своим единственным бегающим глазом.

Но, оказавшись на улице, Костров миновал продовольственный и лишь на следующем квартале вошел в обувной магазин. Здесь в просторном помещении между двумя стеклянными дверьми висели на стене телефоны-автоматы. Костров вынул из верхнего кармана визитную карточку, которую приготовил еще дома. «Стенли Мерфью — член правления объединения ветеранов войны. Адрес... Телефон служебный... Телефон домашний...».

Костров опустил в щель десятицентовую монету и набрал нужные цифры. Низкий, хрипловатый голос ответил: «Я вас слушаю». Андрей сразу узнал его и приветливо сказал:

— Привет, Стенли. Вы не больны?

— Ба-ба-ба! Да это никак вы, мистер Костров?! Что вы делаете сегодня вечером, Эндрю? У меня как раз свободное время.

— Отлично. У меня тоже. Выпьем где-нибудь по кружке пива.

— По две и за мой счет. Встретимся в половине седьмого у...

— Давайте у въезда на парковку универсама Дюпона.

— Договорились.

Когда Андрей добрался наконец до въезда и встал в хвост очереди из семи-восьми машин, Стенли уже ждал его. Они крепко пожали друг другу руки.

— С чем приехали? — спросил Стенли.

— Мы будем в мае проводить декаду показа советских фильмов.

Мерфью выбрал столик в углу. Здесь было уютно и хорошо видно, что происходит на эстраде.

— Вы привезли много фильмов? — спросил он.

— Порядком, — ответил Костров. — В программе девятнадцать, но я привез больше.

— Большевицкая пропаганда! — рассмеялся Стенли.

— Если угодно. Пропаганда против войны. Пропаганда мира. Пропаганда того, как мы воспитываем детей, как обеспечиваем старость и охраняем материнство. Но, к сожалению, мне их негде показывать.

И Костров поведал Стенли Мерфью о своих невзгодах.

— Это не дело рук правительства, — сказал Мерфью. — Я полагаю, это эмигранты. Среди них множество изменников военных лет, тех, кто в последнюю войну был заодно с Гитлером. Любая попытка рассказать правду о Советах вызывает у них дикую злобу. В прошлом году они зверски избили лектора, который побывал в Москве, Ленинграде и Киеве. Подкараулили его возле дома.

— Если бы можно было показать наши фильмы в аудиториях колледжей, университетов, библиотек, клубов. Все они не художественные, а научно-популярные и документальные и не облагаются налогами. Поэтому мы даем вам ленты бесплатно, но и вы должны показывать их бесплатно.

Стенли Мерфью задумался.

— У нас есть такие площадки, мы бы с радостью прокрутили там ваши фильмы. Но если демонстрировать их бесплатно, где взять деньги на аренду помещения, оплату электроэнергии, наем киномашинок и прочие расходы?

Он безнадежно махнул рукой и вздохнул. Погасили свет. Теперь сквозь гирлянды прозрачных стеклянных шаров освещалась только эстрада. Свет скользил куда-то вверх, а танцовщица падала вниз.

— Ладно, Стенли,— сказал Андрей,— по-моему, есть выход.

— Какой? — не скрывая недоверия, спросил Стенли.

— Ищите площадки. Остальное за мной.

Они не спеша выпили еще по кружке пива и расстались, договорившись, что Стенли Мерфью позвонит Кострову в офис.

Костров ехал домой и думал о том, как хорошо все-таки, что он не послушал Тупинина. Три раза из проекта сметы, который представлял Костров, главный бухгалтер агентства вычеркивал расходы на приобретение передвижной кинопроекторной аппаратуры.

— Денежки-то народные, Андрей Николаевич. Они счет любят,— говорил он Андрею, сверля его колючими маленькими глазками.— А вы на них хотите для миллионера аппаратуру купить, чтобы он больше заработал.

— Но аппаратура нужна нам. Вы вынуждаете меня выйти за рамки сметных статей, то есть обманывать,— горячился Костров.

— Обманете — будете отвечать. По всей строгости...

Костров обманул. Получив наряд в Главснабе, он перечислил на завод киноаппаратуры деньги за две передвижки, проведя расходы по статье «Реклама».

Когда Мэри Фергюссон вошла, Брауну стоило усилия заставить себя неторопливо подняться. Эта женщина не только нравилась ему. Он побаивался холода ее взгляда и поразительной уверенности в себе. А перед всеми, кто внушал ему робость или страх, Брауну хотелось вскочить и вытянуться в струнку, щелкнув каблуками и держа руки по швам. Таков был рефлекс, вколотенный в него нацистскими наставниками.

— Что нового, Мэри? — стараясь выказать доброжелательность и дружеское расположение, спросил он.

— Все, что вас может интересовать, изложено в моих донесениях.

— Почему вы всегда сердитесь?

— Мне неинтересно с вами, шеф. Я честно выполняю контракт. У вас, надеюсь, нет претензий по этой части?

— Представьте себе, есть. — Он попытался перехватить инициативу.— Я хотел сказать, мисс Мэри, что ваши донесения слишком лаконичны. Мы по сей день ничего не знаем о Кострове. Какой он, что любит есть, когда отдыхает и, главное, что он делает и где бывает после работы...

— Это не предусмотрено контрактом. Вы знаете, мистер Браун, что я пришла к вам не с улицы. Я приняла ваше предложение из-за временных затруднений. Так вот, тот, кто рекомендовал меня — вы знаете, о ком я говорю...

При упоминании об этом человеке у Брауна пересохли губы, и он облизал их шершавым языком.

— ...Так вот, он сказал, что мне будет предложен контракт. Я подписала его. Помнится, там не упоминалось ничего насчет отдыха, черт характера и тому подобного. От меня требовалось лишь

информировать вас — и уж не знаю, кто там за вами стоит — о том, как идут дела у русского в связи с подготовкой декады советских фильмов.

Фред Браун ненавидел ее в эту минуту за смелость и независимость, за то, что ей не нужно бояться своего прошлого.

— Ну, ладно, — мирно сказал Браун. — Я ведь не для этого просил вас прийти... Давайте поужинаем сегодня вместе? А?

Мэри Фергюссон едва не ответила насмешливым отказом, но вдруг представила себе еще один вечер в пустой квартире, в постоянном ожидании звонка ее высокого покровителя, который раз или два раза в месяц заезжал к ней.

— Согласна. Пусть это будет хороший ночной клуб. Потом вы меня отвозите домой и не выходите из машины.

При словах «хороший ночной клуб» Брауна на миг охватила растерянность: он представил себе сумму счета. И все же Браун обрадовался. «А деньги — черт с ними. Проведу на угощение по операции «Костров», — подумал он.

— Я буду готова к девяти, — предупредила Мэри.

Еще до войны Андрияша Костров вместе со своим другом и одноклассником Петькой Кондаковым бегал в Большой зал консерватории. Здесь они слушали мессу Баха в исполнении Гедике. Потом, пораженные и притихшие, шли вверх по улице Герцена. Медленно опускались крупные снежинки. Снег скрадывал шум пронесившихся мимо автомобилей и троллейбусов. А в ушах все ещеплыли органные аккорды.

С той далекой поры Андрей стал постоянным слушателем органных концертов.

Вот и в этом огромном городе, где он бывал уже не раз, Костров увидел как-то скромную афишу — никаких виньеток, только буквы на белой бумаге: «Собор Святого Доминика. Каждую пятницу в семь часов пополудни концерт органной музыки». И сверху маленький католический крест.

Однажды на концерте Андрей сел рядом со стариком в черном костюме. У него были седые волосы, и над серыми спокойными глазами почти сходились седые брови. Высокий лоб, слегка выдвинутый вперед подбородок придавали его лицу волевое, мужественное выражение.

Так Костров впервые увидел, а затем и познакомился со старым учителем Здиславом Пшебыльским, ветераном войны, одним из руководителей городской организации борцов за мир и большим любителем органной музыки.

И сегодня, дождавшись пятницы, Костров решил совместить полезное с приятным. Он рассчитывал на встречу с учителем и хотел еще раз услышать свои любимые фуги до-диез мажор и фа-диез мажор.

Костров немного опоздал и сел у самого входа. Слушая музыку, он внимательно осмотрел полупустые ряды кресел и на той стороне прохода увидел профиль Пшебыльского.

Во время короткого антракта Андрей подошел к нему. Учитель был еще весь во власти музыки. Он смотрел вдаль невидящим взглядом глубоко задумавшегося человека.

— Добрый вечер, господин Пшебыльский,— обратился к нему Костров по-английски. Учитель слегка вздрогнул, повернул голову и спокойно, словно они только вчера расстались, ответил по-французски:

— Добрый вечер, господин Костров. Вы снова в этой стране со своими фильмами?

— Да, и как человек деловой хотел бы поговорить с вами о деле.

— Я весь внимание.

— Господин Пшебыльский, я узнал, что вскоре вы должны выступить по телевидению от имени организаций борцов за мир и ветеранов войны.

— Да, это так,— подтвердил старый учитель.

— После этого вы намерены показать отрывки из антивоенных фильмов.

— Мы выбрали несколько фрагментов, которые заставят зрителей понять, что несет с собой война. К сожалению, таких лент сохранилось уже немного. А реставрация старых фильмов — дело дорогое и доступно лишь коммерческому прокату. Но коммерсантам это ни к чему...

Приятное чувство охватило и окрылило Кострова. В такие секунды он мгновенно анализировал обстановку и находил точные решения. Это было знакомое с фронтовых лет предчувствие победного рывка.

Костров поглядел в глаза Пшебыльскому и сказал:

— У меня есть такие filmy.

— Ну что же, очень интересно. Могут ли я их посмотреть? И когда, где?

— Я сообщу вам об этом...

Мэри проснулась ровно в семь часов, опередив будильник на какие-то доли секунды. Потом она с четверть часа простояла под душем. Обнаженная, подошла к гардеробу и стала обдумывать, что бы надеть. «Ведь должен же когда-то в Кострове проснуться мужчина?»

Она с грустью подумала о том, что в свои тридцать лет никого еще не любила. Единственный раз, когда ей показалось, что это чувство вот-вот придет, оно принесло беду. Военный атташе посольства Канады в одной из европейских стран был умен и красив. Она не знала собеседника интереснее его. Но когда его жена, дочь очень влиятельного и богатого человека, заметила, что красивая сотрудница отнимает у ее мужа несколько больше времени, чем следовало бы,

Мэри пришлось перелететь через океан, домой. Она оказалась без работы, а сбереженный ею капитал быстро таял. Однако военный атташе побеспокоился о ней. Он написал рекомендательное письмо к своему приятелю. Но тот явно знал о Мэри больше, чем было написано в письме. Он принял горячее участие в ее судьбе. Мэри стала заниматься выуживанием коммерческих тайн у фирм-конкурентов. Приятель военного атташе стал ее шефом. Он давал ей не слишком опасные поручения. Эта работа хорошо оплачивалась, тем более что новая сотрудница вскоре стала любовницей шефа. Около месяца тому назад он предложил ей временный и очень выгодный контракт:

— Будешь работать в кино, крошка. На фирме «Розз энд Розз» против фирмы «Розз энд Розз».

Ровно без пятнадцати девять темно-синий «шевроле» Андрея остановился у того самого подъезда, где всего несколько часов назад Мэри рассталась с Фредом Брауном.

Андрей увидел Мэри издали и в который раз отметил про себя, что красота ее привлекает внимание прохожих. Костров почти сразу понял, что она ведет двойную игру. Но он решил не подавать виду о своей догадке и продолжал работать с ней, так как предпочитал знать, откуда может грозить опасность. «Майклу нет необходимости устанавливать слежку. Все финансовые операции проходят через его бухгалтерские книги, и он может уточнить их в любой момент. Полиция за многие мои приезды в страну убедилась, что я не представляю для нее никакого интереса. Остаются либо коммерческие конкуренты «Розз энд Розз», либо различные правые, профашистского толка и эмигрантское националистическое отребье. Скорее всего Мэри Фергюссон — их человек. Однако как она попала к Майклу?» Андрей как-то поинтересовался этим. Но старший брат усмехнулся и многозначительно сказал: «Спроси лучше у Эйба...»

Костров затормозил и, наклонившись, открыл дверцу. Мэри, от которой веяло свежестью и здоровьем, села рядом с ним и улыбнулась.

— Доброе утро!

Красота ее и приветливость подкупали, располагали к себе. Андрей тоже улыбнулся в ответ. Мэри уловила эту приязнь, и что-то ласковое шевельнулось в груди, поднялось к горлу и вынудило отвернуться, чтобы он не заметил ее смущения.

«Шевроле» мчался к деловому центру города.

— Я должен заскочить на секунду в банк, — сказал Костров. — Вам придется подождать меня в машине.

Идущие впереди автомобили стали притормаживать. Андрей, отвлекшись разговором, с опозданием заметил это и резко нажал на педаль. Мэри бросило вперед, и она уперлась вытянутой рукой в мягкий борт безопасности панели приборов.

Андрей извинился. Сзади он услышал неприятный визг тормозов и в зеркало увидел, что черный «мерседес» едва не врезался в них. На

мгновение его взгляд встретился со взглядом водителя «мерседеса» — тот смотрел недобро. «Он прав», — подумал Андрей.

Возле здания банка Андрей, пропустив машины, въехал на бесплатную стоянку для клиентов.

Костров раскрыл жесткий портфель. Мэри увидела, что он вынул какие-то бумаги. Она узнала их. Это были аннотации.

Как только Костров скрылся за дверью, Мэри вновь услышала неприятный визг тормозов. Черный «мерседес» остановился у въезда на парковку, перекрыв его. Трое рослых мужчин быстро выскочили из машины и бросились на стоянку, разместившуюся на пустыре, между двумя огромными домами.

Двое побежали к темно-синему «шевроле», а третий, заперев снаружи дверь стеклянной будки сторожа, просунул руку в окошко, схватил телефонную трубку и с силой дернул ее. Шнур оборвался.

— Не шуметь, — пригрозил он парковщику и бросился на помощь друзьям. Один из них открыл дверцу и, крепко взяв Мэри за локоть, торопливо сказал:

— Выметайся.

При этом он так рванул ее на себя, что она мгновенно оказалась на ногах возле машины. Грабитель, видно, главный, открыл портфель и выругался. Все трое бросились внутрь машины. Они лихорадочно обшарили перчатницу, заглянули под переднее сиденье, сорвали заднее. Потом главный метнулся к багажнику, крышка взлетела вверх, скрыв бандита от посторонних взглядов.

В этот самый момент Костров вышел из подъезда.

Он тут же все понял и бросился к машине.

Но и бандиты увидели его.

— Ходу! — крикнул какой-то из них, и двое побежали к черному «мерседесу». Они резко рванули с места и умчались по улице так быстро, что Андрей не успел заметить номер.

Когда главарь, хлопнув крышкой багажника, вновь выругался и, разогнувшись, увидел вместо своих дружков мчавшегося на него Кострова, он выхватил пистолет, кинулся навстречу Андрею, держа оружие в вытянутой руке и целясь ему в лицо.

Андрей увидел характерный срез вставного ствола.

«Наверно, газовый», — пронеслось в голове. Ребром раскрытой ладони правой руки он рубанул по запястью бандита и в тот же миг резко ударил его в низ живота коленом правой ноги. Тот охнул и согнулся. Андрей схватил пистолет за ствол и рванул на себя, одновременно выкручивая его из пальцев бандита. Ощувив тяжесть оружия в своей руке, он с размаху опустил рукоятку на ключицу противника. Тот, не то всхлипнув, не то всхрапнув, стал оседать на землю.

— Полицию, живее! — крикнул Костров сторожу.

Но тот, все еще закрытый в своей будке, показал Андрею оторванную телефонную трубку.

Костров бросился открывать запертую снаружи дверь. Тем временем бандит пришел в себя и, пригнувшись, кинулся на улицу. Когда Костров заметил это, того уже и след простыл.

Он вернулся к машине. Мэри стояла рядом, облокотившись о стойку.

— Что они вам сделали? — спросил, тяжело переводя дыхание, Костров.

Мэри не отвечала, не сводя с него испуганно-восхищенного взгляда.

Он повторил свой вопрос.

Вместо ответа она сказала:

— Такое я видела только в кино!

...Противно завывала сирена. Во двор въехал «форд» с государственными гербами на дверцах. Вместе с двумя рослыми полицейскими в черной форме из машины выскочили три репортера. Сверкнули блицы, посыпались вопросы.

Костров воспрянул духом. На такую рекламу он и не рассчитывал. Старший полицейский бесцеременно перебил газетчиков:

— Уймись-ка, джентльмены. Сначала дело.

И он стал задавать вопросы, заноса ответы в протокол. Костров помнил, что газетчики следят за его словами, и поэтому старался говорить ясно и точно.

Он назвал себя и рассказал, откуда и зачем приехал.

— Это ваша жена? — спросил один из репортеров.

— Нет, сотрудница.

Репортеры недоверчиво заулыбались. Вновь защелкали затворы камер, вспыхнули блицы, заскользили по блокнотам шарики ручек.

— Как вы думаете, что искали преступники?

Он заметил распахнутый пустой портфель и понял, что привлекло налетчиков. Костров уже собрался сказать, что они искали аннотации, но передумал:

— Я не знаю, за чем они охотились.

Начальник таможни был растерян. Положение дел сложилось щекотливое. В грузовых документах указаны аннотации ко всем фильмам. Значит, они имелись в момент отправки груза. А у него в таможне их нет...

— Могу я наконец получить груз? — спросил у него Андрей.

— Да, сэр. Кроме фильмов. Ведь я не могу нарушить закон. А аннотаций все еще нет, — ответил чиновник.

— Закон нарушать нельзя, — согласился Костров. — А аннотации — вот они. Так что давайте фильмы.

— Хорошо, мистер... — он поглядел в визитную карточку Кострова, — мистер Костров. Оставьте аннотации и позвоните завтра.

— Нет.— В голосе Кострова появился металл.— Фильмы нужны мне сейчас, в двенадцать часов. И потом, я не могу допустить, чтобы вы вновь потеряли документы. Я бы не хотел отнимать время у сотрудников вашего министерства иностранных дел...

В половине первого. погрузка закончилась.

Фильмы, реклама и аппаратура были отправлены на склад фирмы «Розз энд Розз».

Стрелки часов показывали десять часов вечера. Андрей сидел у стола и просматривал вечерние выпуски газет. Наконец он нашел то, что искал, и начал читать. В шапке шестнадцатой полосы, где обычно помещаются сообщения о происшествиях и скандальная хроника, было броско набрано самым крупным кеглем: «У «Роял банк» русский кинопродюсер избивает трех вооруженных грабителей, напавших на него». В заметке говорилось: «Владелец тридцати двух советских фильмов, известный в нашей стране московский кинопродюсер Андрей Костров сегодня к девяти утра приехал в «Роял банк», чтобы проверить поступления на свои, как говорят, весьма солидные счета. Когда мистер Костров вошел в здание банка, трое неизвестных совершили нападение на его автомобиль, оставленный на стоянке. Грабители выволокли из машины красавицу — русскую спутницу Кострова — и жестоко избили ее. Несмотря на это, характерное для русских упрямство дало ей силы сохранить мужество. Неожиданно вышедший из банка Костров легко расправился с преступниками. Он отнял у них пистолеты и избил так, что те едва унесли ноги. Когда мы заглянули в машину, тем лежал раскрытый и пустой портфель Кострова. Даже если предположить, что в портфеле находились только десятидолларовые банкноты, то в нем было минимум пятьдесят тысяч долларов.

Спутница Кострова очень красива. В нашей стране такая женщина, если она жена, может стоить мужу тысячи долларов в неделю, если любовница — десятки тысяч»...

И все сто строк в таком же духе. На фото на переднем плане был изображен Андрей, а чуть сзади — Мэри возле машины с распахнутыми дверцами. Репортер сфотографировал его как-то снизу, поэтому Костров был непомерно высок на фоне своего «шевроле».

В газетах последнее сообщения были более сдержанными. Но во всех его называли «владельцем тридцати двух фильмов» и все сообщали о его загадочной «русской» спутнице.

Звякнул колокольчик переговорного устройства.

— Андрей, ты дома? Я к тебе,— донесся из микрофона голос советника.

Костров позвонил привратнику и попросил впустить гостя.

— Я прочитал твой отчет — и сразу за руль. Что произошло?

— Да все в порядке. Обычный бред газетчиков.

— Отлично.

Он снял пиджак и подошел к окну.

— Будь осторожен. Если они пошли на такой шаг, значит, очень пугает их «Обыкновенный фашизм» и «Великая Отечественная». Эти фильмы заставляют консолидировать усилия все отребье — от так называемой «Новой русской эмиграции»: бывших власовцев, полицеев, карателей — до националистов типа бандеровцев и вчерашних бандитов, бежавших из республик Прибалтики...

Утром в офисе «Розз энд Розз» уже ждали Кострова оба компаньона. Эйб — младший партнер — в этот приезд встретился с Андреем впервые.

— Рад вас приветствовать, Эндрю, — сказал он. На лице его была такая гримаса, будто он проглотил что-то очень кислое и не хочет, чтобы это поняли окружающие.

Майкл заметил, что Андрей внимательно поглядел на Эйба, и постарался сгладить впечатление.

— Не обращай внимания, Эндрю. Он боится за свою Мэри и, конечно, ревнует ее к тебе. Особенно после вчерашних газет.

— Твои намеки недостойны, — недовольно сказал Эйб брату. И, обращаясь к Андрею, попросил: — Можем ли мы узнать от вас, что же все-таки произошло на самом деле?

Костров рассказал о вчерашнем происшествии.

— Но ты ему дал как следует? — озабоченно поинтересовался Майкл.

— По-моему, да.

— Обидно, что он удрал. Таких можно лупить до смерти. Ведь он был вооружен, а ты нет.

На двух журнальных столиках стояли эскизы рекламных объявлений о советской декаде. Помимо названий кинотеатров, в планшеты предстояло еще вклеить монтаж фотокадров из фильмов и указать время начала сеансов.

Костров вопросительно поглядел на братьев. Дальнейшая работа над эскизами не имела смысла до решения вопроса о залах.

Майкл понял Андрея и весело сказал:

— А у меня сюрприз: кинотеатр есть.

Это было неплохо, и обрадованный Костров предложил посмотреть зал.

Кинотеатр помещался во втором подземном этаже небоскреба. Он понравился Андрею. Здесь был прекрасный, полукругом зал на тысячу двести мест с широкоформатным экраном, удобный холл.

— А проекционное оборудование исправно? — поинтересовался Костров.

— Проверяем, обкатываем, — ответил Майкл.

— Значит, уже сегодня я мог бы показать фильмы одному человеку с целью рекламы?

— Безусловно,— подтвердил Майкл.

Как и было договорено, Костров позвонил Пшебыльскому.

— Здравствуйте, мистер Костров. Прошу извинения, что заставил вас ждать. Сообщения вчерашних газет взволновали меня. Там, конечно, много чепухи, но все же нападение — это факт. Вы здоровы?

Старый учитель и не пытался скрывать, что волнуется.

— Я в отличной форме и хочу сообщить вам, что фильмы, о которых шла речь, вы смогли бы увидеть уже сегодня...

Сначала смотрели «Обыкновенный фашизм». Старый учитель слушал спокойный, неторопливый комментарий и не отрывал глаз от экрана. Чувствовалось, что он вновь вернулся к событиям далеких лет, свидетелем и участником которых был.

Когда в зале зажегся свет, Пшебыльский не оживился, не обернулся к Кострову, а еще долго молча глядел на пустой экран. Потом медленно произнес, не то утвердительно, не то вопросительно:

— Коммунисты делают такие фильмы...

Старый учитель поднялся и минут десять ходил взад-вперед перед экраном, о чем-то думая. Потом снова сел рядом с Андреем, сказал:

— Давайте продолжим...

Второй фильм — «Великая Отечественная» — он смотрел с не меньшим вниманием. Иногда он что-то тихо шептал сам себе.

Зажегся свет. Старый учитель оглядел зал и недовольно спросил:

— Это здесь вы будете показывать фильмы? В таком крошечном зале?

— Здесь тысяча двести мест.

— Все равно. Их должен увидеть каждый честный человек!

— Господин Пшебыльский,— сказал Костров,— я обеспокоен тем, что мы не сможем заполнить даже этот зал.

И Андрей рассказал старому учителю, зачем пытались выкрасть аннотации, почему владельцы кинотеатров отказались от контрактов, кто стоит за кулисами грязной игры.

— Чем я могу вам помочь? — спросил Пшебыльский.

— Если бы вы сочли возможным уделить несколько слов тому, что увидели сейчас, и сказать, где можно посмотреть наши фильмы...

— Считайте, что мы договорились.

Фред Браун сидел в баре «Мюнхен».

С самого утра он был не в духе. Сегодня ему позвонил шеф.

— Если советская декада состоится,— сказал он,— я буду вынужден задуматься над необходимостью прибегать к вашей помощи в дальнейшем.

Вошел высокий мужчина со странно поднятой до уровня плеча рукой в гипсе. Волоча правую ногу, он направился к Брауну, не сводя с него испуганных глаз.

— Садись! — осипшим от ярости голосом по-русски прошипел Фред. — Мало он тебе наkostenялял! Если декада состоится, — пеняй на себя. Может, это будет Африка или Амазония, а может, просто катастрофа на дороге.

Едва он вошел в квартиру, как раздался телефонный звонок. Андрей по голосу узнал Стенли Мерфью.

— Здравствуйте, Эндрю. Кажется, мне удалось кое-что найти, но не здесь, а в Торонто. Там есть две площадки.

— Отлично. А какая проекционная аппаратура установлена там? На какой пленке можно показывать фильмы?

— Шестнадцать миллиметров.

Костров так и думал. Он еще раз похвалил себя за то, что помнил об этой особенности местных кинозалов и, вопреки мнению Тупинина, взял с собой две тридцатипятимиллиметровые установки.

— Установки для показа я дам, — сказал Костров. — Нужно ехать в Торонто.

— Вас там встретят и во всем помогут.

Они обсудили детали. Костров записал адреса и телефоны людей, к которым ему следовало обратиться.

Костров решил ехать в среду. Он держал это в тайне.

Во вторник после ухода Эйба из офиса Костров зашел к Роззу-старшему.

— Майкл, я еду в Торонто. Организовать показ фильмов на площадках.

— Ты неисправим, — сказал Майкл. — Ну разве ты не понимаешь, что Канада не Россия? Бесплатный показ вызовет у наших людей недоверие. Раз русские показывают фильмы бесплатно — значит, это коммунистическая пропаганда!

— А раз фильмы разоблачают войну, то, следовательно, коммунисты за мир, — парировал Андрей. — Меня это устраивает.

Костров попросил Розза позвонить на склад и распорядиться, чтобы утром ему выдали передвижную проекционную аппаратуру и кое-какую рекламу.

Уходя из офиса, Андрей сказал Мэри Фергюссон:

— Завтра я еду в Оттаву. Останусь там дня на два-три.

Она как-то странно поглядела на него, однако промолчала.

Но когда около восьми часов утра Костров подъехал к складу «Розз энд Розз», у дверей стоял синий «шевроле».

Мэри вышла из машины и направилась к Андрею.

— Мистер Эндрю, я бы хотела поехать с вами.

— Это исключено,— сказал Андрей.

— Мистер Костров, вы можете сообщить фирме «Розз энд Розз», что наш контракт расторгнут по моей инициативе. Но Канада — свободная страна и Мэри Фергюссон поедет за вашей машиной.

Андрей вдруг понял, что она не отступит.

Уже сдавшись, он все-таки сказал:

— Дорога дальняя. Я буду стеснять вас.

— Ничего.

Мэри уже поняла, что победила, и в ней заговорила обида, нанесенная его отказом. «Ну погоди»,— подумала она.

Костров подумала, что спрашивающий обманывает ее. Сотрудник

Около десяти часов утра синий «шевроле» выбрался из города.

Утро у Энн выдалось ненормальное. Телефон замучил ее. Сначала позвонил какой-то мужчина и, не представляясь, спросил:

— Могу я поговорить с господином Костровым?

— Мистер Костров в Оттаве и раньше понедельника не будет.

— Когда он уехал? Это из русского посольства.

Энн подумала, что спрашивающий обманывает ее. Сотрудник назвал бы свое посольство не русским, а советским.

— Кто спрашивает мистера Кострова?

Но собеседник уже повесил трубку.

Затем позвонили вновь. Кто-то настойчиво выяснял, когда Костров уехал, зачем и скоро ли вернется. Энн поинтересовалась, кто спрашивает. В трубке послышались частые гудки.

Потом один и тот же женский голос трижды интересовался, когда будет мисс Мэри Фергюссон.

— Кто интересуется мисс Фергюссон?

— Это из стоматологического кабинета. Передайте, что снимок готов и ей нужно прийти к доктору...

К полудню звонки прекратились.

Они ехали уже несколько часов. Мэри все время молчала, лишь коротко отвечая на вопросы. Только после полудня она напомнила Андрею:

— Неплохо бы перекусить, сэр!

— Извините,— сказал Костров и стал читать указатели.

Ресторанчик оказался хороший и к тому же безлюдный. Поели молча. Лишь после обеда Мэри сказала:

— Мы так уверенно промчались мимо поворота на Оттаву, что я усомнилась в том, будто вы собирались туда заезжать.

— Я же вас предупреждал, что мои планы могут перемениться.

— Я это предвидела.— Она кивнула на чемодан.

Наконец Костров съехал с автостреды и направился к центру города.

— В отеле может не оказаться места,— сказал Андрей.

— Номер мне уже заказан, и там же, где и вам.

— Вы расторопны.— Он подумал о том, зачем она раскрывает перед ним карты. Андрей чувствовал, что Мэри делает это искренне, и все же старался трезво оценивать каждый ее шаг.

Они подъехали к отелю. Лифт поднял их на пятый этаж, и Костров проводил Мэри до ее номера.

— Через полчаса в холле?..

— Отлично,— ответила она.

Ужинали в ресторане при отеле. Несмотря на усталость, сидели довольно долго.

Костров рассказывал ей о своей жизни, о далекой России.

Никогда еще у Мэри Фергюссон не было такого приятного вечера. И после возвращения в Канаду ни одному мужчине она не показывала, что ей с ним так хорошо, но Костров не замечал этого.

Мэри Фергюссон вспомнила о стоматологическом кабинете, о Брауне. Интересно, они уже получили ее записку?

Настроение у нее вдруг испортилось. Андрей заметил это сразу. Он проводил ее и, пожелав спокойной ночи, ушел.

В Торонто Костров быстро отыскал Энди Мартина, к которому его направил Стенли Мерфью. И работа закипела. К концу первого дня несколько энтузиастов, молодых рабочих парней, установили проекторы.

Когда вечером усталый Костров вернулся к отелю, Мэри со своей дорожной сумкой в руках ждала его возле гаража.

— Почему вы удрали?

— Не хотел будить. Я оставил вам записку у портье.

Она придержала Андрея за локоть.

— Эндрю, где ваши фильмы? По-моему, сюда войдет несколько катушек, если их вынуть из больших коробок. Так надежнее, у меня искать не будут.

Андрей подумал, что она, пожалуй, права. Ведь если фильмы пропадут у нее, он будет знать хоть, с кого спросить. А если их просто выкрадут ночью из машины... Он открыл багажник и стал перекладывать бобины в сумку Мэри.

Утром Костров снова был в клубе. Его уже ждали. Энди Мартин, знакомый Мерфью, сказал:

— Может, вы смогли бы остаться здесь до вторника? В этот день у нас бесплатная двадцатиминутная передача в телепрограмме. Я говорил с парнями из телецентра. Они согласились помочь нам в оставшиеся десять минут сделать небольшой репортаж о работе клуба. Но снимать они смогут только в понедельник.

Костров ухватился за эту возможность.

Казалось бы, все идет неплохо. Мерфью обзвонил своих людей на предприятиях. Договорились, что у входа члены местных профсоюзных комитетов наклеят специальные объявления.

В пятницу вечером за пятнадцать минут до начала сеанса зал был еще пуст. Костров волновался. Но без десяти минут семь появились первые зрители. Сначала шли пожилые люди. Потом народ повалил гуще, и уже перед самым сеансом и даже после того, как в зале погас свет, шли молодые.

Когда начали показывать фильм «Обыкновенный фашизм», в зале разговаривали, шутили. Но постепенно гомон затихал. К концу первой части зрители напряженно следили за экраном.

Когда зажегся свет, никто не встал с места. Костров сидел в последнем ряду. Каким-то чутьем люди угадали в нем человека, к которому можно обратиться с вопросом. Вначале говорили лишь сидевшие рядом, постепенно в беседу вступали и более дальние. Но слов было мало, люди хотели видеть. И в зале снова погас свет.

Просмотр закончился поздно вечером.

На другой день, в субботу, на просмотр пришла странная компания. Костров сразу увидел этих людей, они оглядывались на него, держались вместе, старались не терять друг друга в массе рабочих. Еще не слыша их слов и не видя поступков, Андрей почувствовал — провокаторы. Он напряженно думал: «Они затеют скандал или постараются втянуть меня в дискуссию». Костров уже заметил в толпе нескольких газетчиков с фотоаппаратами.

«Однако и уйти тоже нельзя: ведь это значит уступить им, дать возможность объявить фильму большевистской пропагандой».

Предчувствие не обмануло его. На этот раз вместо «Обыкновенного фашизма» показывали «Великую Отечественную». Сзади Андрей видел ряд, где сидели провокаторы. Он ждал вылазки, но было тихо. Чувствуя настроение зала, они боялись затевать шум.

После сеанса вновь Кострова окружили зрители. Он заметил среди них несколько человек из той группы. Газетчики с открытыми камерами были рядом.

К Кострову протиснулся невысокого роста, худощавый человек. Нос его оседлали небольшие очки без оправы, но с поблескивавшими дужками, уходящими за маленькие оттопыренные уши. На нем был аккуратно выглаженный черный костюм, белая рубашка, галстук.

— Здравствуйте,— сказал он на чистом русском языке.

— Здравствуйте,— ответил Костров по-английски.

— Я бы хотел кое о чем поговорить с вами,— вновь обратился тот по-русски.

«Нужно, чтобы нас понимали»,— подумал Костров.

— Я готов поговорить с вами, как вы сказали, «кое о чем», но только по-английски,— ответил он.

— Хотите использовать возможность для пропаганды? — сказал тот вновь по-русски.

— Я полагаю, что невежливо говорить на языке, которого не понимают вокруг. По-моему, здесь каждый вправе знать, о чем идет речь,— опять по-английски ответил Костров.

— Ол райт,— вынужденно согласился человек в очках. Он полез в боковой карман и вынул какую-то сложенную вчетверо бумажку. — Вот полученное из Москвы письмо советского писателя...

Он назвал совершенно неизвестную Андрею фамилию и повторил измышления правой прессы о нашей стране.

Костров заметил поднятые над головами фотокамеры, протянутые на длинных штативах микрофоны магнитофонов. От него ждали ответа журналисты. Его внимательно слушали окружающие их рабочие.

— Я не знаю, о ком вы говорите. Но если у нас происходит такое, то как могло появиться это письмо? И почему его автор на свободе?

По толпе пронесся одобрительный гул. «Первый раунд за мной», — подумал Костров.

— Но вы все-таки возьмите и прочитайте это письмо.

— Зачем? Оно меня попросту не интересует.

Фальцетом, почти срываясь на визг, человечек крикнул:

— Видите, как вас запугал Сталин! По сей день трясетесь!

Костров ответил спокойно, мягко и громко:

— Странная логика у вас. Нас Сталин запугал, но мы не удрали при удобном случае к Гитлеру, не бросили и не предали Родину, а разбили фашистов. От испуга, наверно, мы в короткий срок восстановили и отстроили сожженные и разграбленные гитлеровцами города и села Советского Союза, от испуга вырвались в космос. А вы, храбрецы, помогали фашистам расстреливать своих соотечественников, грабить свой народ. А потом, от храбрости, наверно, удрали и по сей день боитесь вернуться на свою землю, хотя у нас давно уже амнистированы люди, сотрудничавшие с оккупантами.

В толпе дружно засмеялись.

— Сволочь! Мало мы вас вешали! — иступленно закричал по-русски человек.

— Этот господин говорит, что он вешал таких, как я, до того, как удрал из России,— перевел Костров.

Люди, только что просмотревшие фильмы о кровавой борьбе советского народа, притихли после этих слов. Человек замолчал и испуганно оглянулся по сторонам. Толпа расступалась, образуя узкий проход. Высокий мужчина с огромными руками и короткой толстой шеей сказал, обращаясь к человеку в очках:

— Грязная свинья! Убирайся отсюда, пока я тебя не вколотил в нашу землю, которую ты топчешь и поганишь!

Человек, пятясь, отступал по узкому проходу.

Газетчики убирали фотокамеры. Сенсации не получилось.

В понедельник Костров сказал Мэри за завтраком:

— Мы выедем завтра пораньше и проведем остаток дня в том отеле, где обедали. Там и переночуем, а утром пораньше — в Монреаль.

...Они выехали из Торонто в пять часов утра.

Настроение у Андрея было хорошее. Он считал, что проделал в Торонто полезную работу.

Мэри, немного грустная, молча сидела рядом. Она глядела на уносящиеся назад столбы и проволочные сетки оград, кустарники и водную гладь озер, и солнечный день не веселил ее.

Хозяин ресторанчика и отеля, где они обедали по дороге в Торонто, был рад старым гостям. Обычно в будние дни у него постояльцев не бывало.

— У меня есть для вас чудесный номер на двоих с прекрасным видом на озеро, — засуетился он.

— Спасибо. Но нам нужно два номера, — ответил Костров.

Они разместились удобно и свободно. Через несколько минут Андрей, и Мэри, переодевшись, пошли к озеру.

Купание и чистый воздух соснового бора освежили их. Захотелось есть, и они направились к отелю.

Пока они купались, на стоянке появились еще две машины. Пыль и виннипегские номера говорили о том, что их владельцы проделали долгий путь.

Вскоре Костров и Мэри вновь встретились в обеденном зале.

За столом просидели долго. Мэри рассказывала о своем детстве, расспрашивала Андрея. Его юность резко оборвал июнь тысяча девятьсот сорок первого года, и поэтому разговор зашел о войне. Притихшая Мэри ловила каждое его слово.

Какие-то люди, очевидно, с тех двух машин, тоже внимательно прислушивались к его рассказу.

— По-моему, нас подслушивают, — наигранно-весело и нарочито громко сказал Андрей по-русски.

За соседним столиком задвигали стульями, зазвенели фужерами, с деланным оживлением заговорили...

— У вас сегодня удачный день: еще гости появились, — сказал Андрей хозяину, выходя с Мэри из зала.

— Они к вечеру уедут.

Но это не успокоило Кострова. Андрей незаметно наблюдал за двумя машинами. Он видел, как, быстро усевшись, незнакомцы уехали, и его синий «шевроле» вновь остался один на стоянке.

Утро, как и вчера, было чудесным. Они мчались по шоссе, и может быть, оттого, что солнечное утро сменило сумерки вчерашнего вечера у холодноватого озера, на душе у Андрея стало спокойно. «Случайная встреча. Мало ли русских в Канаде!»

На триста сорок седьмой миле посреди дороги стоял маленький шлагбаум. Над ним был установлен круг указателя со знаком «Въезд запрещен». В стороне — стрелка с надписью «Объезд».

Андрей съехал на объездную трассу. Еще издалека Костров заметил идущих друг за другом двух огромных желтых «даймондов».

Грузовики ползли неторопливо, уверенно. Слева был небольшой лесок. Дорога довольно круто огибала его. «Даймонды» скрылись за деревьями.

Когда они вновь вырвались на шоссе из-за лесочка, то уже мчались рядом, борт к борту. Костров слышал рев моторов. Справа, вплотную к полотну, стволы деревьев. Впереди многотонные желтые «даймонды». Слева канава. За ней поле.

А расстояние все сокращается. Вдруг восемь мощных ламп-фар на двух «даймондах» сверкнули ярким светом, который бьет в глаза, слепит.

Руки Кострова впились в рулевое колесо. Правая нога — с акселератора — на тормоз. Педаль без усилия проваливается вниз. — Ремень! — кричит Костров, но в тот же миг понимает — поздно. Левой рукой он еще крепче сжимает руль. Правую протягивает перед Мэри, прикрывает ее лицо.

До «даймондов» — лишь считанные метры. Руль круто влево. Нога до отказа прижимает акселератор к полу. Резкий толчок — и «шевроле» летит над канавой. Рядом с воем промчался «даймонд», и желтые дьяволы уносятся, не остановившись.

...Андрей лежит на земле, и Мэри платочком вытирает кровь с его лица. Он пытается шевельнуться, но от острой боли в правом плече едва не теряет сознание.

— Вы не разбились? — тихо спрашивает он у Мэри.

— Нет, нет! — глотая слезы, отвечает она.

Опираясь на здоровую левую руку, Костров встал. Его слегка потащивало, в голове шумело. Мэри сидела на земле, беспомощно опустив плечи и обхватив руками согнутые в коленях ноги.

Он с трудом наклонился и левой рукой помог ей встать.

Они огляделись. На дороге никого не было.

— Давайте я пойду по шоссе до первого телефона? — предложила Мэри.

— Это ведь объезд, вряд ли здесь есть телефоны.

В ожидании прошло около часа. Наконец они услышали шум двигателя, и на дороге показался колесный трактор. Фермер увидел их и удивленно остановился.

— Что с вами, сэр?

— Отказали тормоза, — сказал Костров. — Вызовите, пожалуйста, полицию.

Прошло еще полчаса, и над полем повис полицейский вертолет. Он опустился рядом и затих.

— Что стряслось? — еще на ходу спросил полицейский. — Я уже вызвал «Скорую помощь».

Костров рассказал, что произошло. Вскоре в воздухе повис второй вертолет — с красным крестом на днище и на боках. Пока он садился, полицейский осмотрел машину, следы на дороге, выбоину на бруствере канавы и сказал удивленно и с облегчением:

— Вы родились в рубашке.

Между тем молодой красивый доктор суетился возле Кострова. Однако он лишь проверил пульс и произвел внешний осмотр.

— Вы иностранец?

— Я из Советского Союза,— ответил Костров.

— Отлично! У вас богатая страна, вы вполне можете лечиться в нашем госпитале. Он лучший в городе.

Костров знал, что такое частный госпиталь. Три года назад его сотрудника отвезли в больницу с острым аппендицитом. Операция, лекарства и три дня послеоперационного ухода и питания стоили восемьсот семьдесят долларов. Андрей не считал свое положение слишком серьезным. Головокружение, как ему казалось, утихло. А с рукой он решил обратиться к посольскому доктору.

— Благодарю вас,— сказал Костров,— я чувствую себя хорошо.

Врач уже направился к вертолету, как вдруг в дело вмешалась Мэри Фергюссон.

— Как вы можете бросать больного?

— Но он, очевидно, не хочет платить.

— Заплачу я.

Она подбежала к машине, выхватила из сумочки чековую книжку и, вернувшись к врачу, раскрыла ее перед ним.

Красивый доктор направился к Кострову.

Полицейский с интересом следил за этой сценой.

— Мисс Фергюссон,— сказал Андрей, и что-то сжалось в нем от собственной сухости,— я признателен вам, но любую медицинскую помощь, оказанную мне, оплачивает посольство... Однако оставить фильмы я не могу, пока не прибудет наш представитель.

Полицейский вызвал из Оттавы техническую помощь и попросил передать в посольство, чтобы за Костровым приехали.

— Как вы попали на эту дорогу? — спросил он у Андрея.

— Как я попал?.. Но ведь там стоит указатель — «Объезд»!

— Никакого указателя там нет. Эта дорога давно закрыта, и ею пользуются лишь местные фермеры.

Вскоре показалась машина технической помощи. Двое мужчин подцепили «шевроле» и вытащили его на шоссе. Потом их грузовик тросом подъемника задрал передок «шевроле» на специальный помост. Один из рабочих вместе с полицейским наклонились и стали разглядывать машину снизу.

Потом полицейский вновь вытащил из сумки протокол и что-то дописал туда.

— Тормозные шланги подпилены возле всех цилиндров,— сказал он Кострову.

За Андреем на «бьюике» примчался советник посольства Петров.

— Живой? — крикнул он, еще не успев вылезти из машины.—

Поехали скорее до первого же телефона. В посольстве нервничают и ждут звонка...

Врач посольства повез Андрея в травматологическую клинику.

— Вам повезло, больной, перелома нет,— сказали ему.

Потом Кострову сделали укол в руку, ко рту и носу прижали маску. Он глубоко вдохнул и впал в забытие.

В холле второго этажа, где находится палата Андрея, мягкие, удобные кресла. Со своего места Мэри видит длинный коридор, по обе стороны двери и белые столики медсестер. То над одной, то над другой дверью вспыхивают огоньки, но та, за которой издалека следит Мэри, не освещена. Усталая женщина вновь погружается в дрему...

Огонек над дверью Кострова неярко замигал. «Проснулся»,— подумала с облегчением Мэри и, осторожно ступая по мягкому ковру, подошла к стеклянным створкам входа. Однако навстречу ей поднялась высокая, сухая женщина в халате.

— Я бы хотела пройти в палату к мистеру Кострову.

— Больные уже спят. Это запрещено, мэм.

Мэри вынула из кошелечка десятидолларовую бумажку. Старушка с сожалением поглядела на деньги.

— Нет, мэм, не могу сейчас, приходите утром...

Ночью Мэри плохо спала.

Кто бы мог подумать, что этот русский так неожиданно войдет в ее жизнь и овладеет всеми помыслами? Интересно: он коммунист или нет? Однажды она хотела спросить, но почему-то не решилась. Все у него получается: показ вопреки своим врагам организовал... Она подумала о Брауне, о налетчиках, о катастрофе, о том, что эти — Костров называл их изменниками и предателями — не успокоятся и попытаются еще вредить ему. «Сволочи»,— вслух сказала Мэри. Потом вспомнила о том, что она тоже среди них, и от этого ей стало совсем не по себе. «Приеду — откажусь»,— решила она. Потом усомнилась: «Подошлют кого-нибудь другого. Лучше рядом буду я».

В девять утра Мэри Фергюссон, немного осунувшаяся, снова была в госпитале, но ее и теперь не допустили к Андрею.

— Неужели у него сотрясение мозга? — спросила она.

— Сотрясения нет, завтра выпишут.

Когда ей наконец разрешили навестить Кострова, Мэри казалось, что она не идет, а летит по коридору. Сердце стучало торопливо, и глухие удары отдавались в ушах. Однако у самой палаты ей показалось, что ноги еле двигаются, бессильно утопая в мягком ворсе ковра. Но вот она открыла дверь и увидела забинтованное оголенное плечо Кострова и белую марлевую наклейку на лбу. Он повернул к ней лицо и улыбнулся.

— Ну как вы? — спросил он.

А она мелко подумала о том, что впервые в жизни, входя к мужчине, не поправила прическу и не позаботилась, чтобы хорошо выглядеть. Сейчас это не волновало ее.

Шеф, высокий, красивый мужчина, с короткой стрижкой и приятным, открытым лицом, приветливо улыбнулся Брауну и дружески протянул большую, сильную ладонь.

— Хэлло, Фред.

— Здравствуйте, шеф, — изображая радость, улыбнулся Браун. Мужчина, не дожидаясь приглашения, сел в кресло.

— Хотите «клюковку»? — сказал шеф по-русски и протянул пластик жевательной резинки в яркой бумажке, на которой была нарисована рассыпавшаяся клюква.

— Первый раз слышу про такую резинку.

— Это опытная, советская. Очень приятная, кисленькая, будто только что с болота. Вы любите клюкву?

У Брауна засосало под ложечкой. Он вспомнил детство, деревню под Новгородом, мальчишек и девочек с лукошками на болоте...

— Отказавшись от России, вы отказались и от всего, что связано с ней? Так, что ли? — дружелюбно продолжал шеф. — Впрочем, Фред, я не за тем приехал. Что с работой? Вам трудно?

— Нет, шеф, почему?

— Это я вас спрошу «почему». — В его голосе появились совсем иные нотки. Он вынул газету из кармана пиджака и протянул Брауну.

— Прочтите — поймете. На двенадцатой странице, внизу.

Браун не верил своим глазам. В газете сообщалось, что только железные нервы и мгновенная реакция помогли Кострову избежать столкновения с двумя мчавшимися прямо на него двадцатипяти-тонными грузовиками. Костров и его канадская спутница ранены. По мнению полиции, покушение организовано русскими эмигрантами, бежавшими от коммунистического режима после второй мировой войны. Однако преступников задержать не удалось. Следствие продолжается.

— Я хочу знать, когда кончится эта цепь провалов в элементарно простых операциях? Да, наверное, вам пора уехать на свой клочок земли. Я имею в виду тот, что вы приобрели тайком от нас неподалеку от Ванкувера. Зубные коронки и мосты, которые вы продали в Виннипеге, оказались из отличного золота, иначе вас бы судили.

Шеф посмотрел на часы.

— Ого! Уже полдень. Я опаздываю на ланч. Он подошел к двери и обернулся. — Вы не помните, сколько еще пробудет в Канаде Костров? Нет? Ну, ладно, до свидания после советской декады. Надеюсь, оно будет обоим приятным.

Майкл Розз встретил Кострова утром следующего дня в своем офисе. Он оглядел его, словно принимал ценность по описи, и пошутил:

— Руки, ноги — все на месте. А как котелок?

— Варит.

— Отлично! Тогда возьми почитай: только что пришло. — И он протянул Андрею разрезанный конверт.

«Сэр! — прочел Андрей. — Вот уже долгие годы Вы и Ваша фирма оказываете содействие коммунистической пропаганде в нашей свободной стране, не считаясь с чувством десятков и сотен тысяч истинных борцов за свободу поработанных ею стран и народов, обретших в Канаде свою вторую родину. Сейчас на повестке дня новые происки большевиков: они затеяли показ фильмов, направленных на то, чтобы доказать, будто русская армия спасла Европу и весь мир в прошлой войне.

Мы предупреждаем: если Вы не перестанете помогать большевикам, нам придется быть беспощадными в этой борьбе с Вами, так же как это было и в Европе!»

— Ты испугался, Майкл?

— Нет, скорее разозлился. Но какова наглость: эмигранты предъявляют мне, канадцу, ультиматум!

Розз закурил, и клубы сигарного дыма поплыли по кабинету.

— Я передам это письмо в полицию, — решительно заявил он.

— Пожалуй, надо, — согласился Костров.

Так началась «психическая атака» на организаторов декады советских фильмов. Письмо Майклу оказалось лишь первой ласточкой. По отношению к главе фирмы «Розз энд Розз» — гражданину Канады и миллионеру — были только невежливые и невежественные угрозы. По отношению же к Андрею Николаевичу дело приняло иной оборот.

Выйдя из маленького итальянского ресторанчика, где он любил обедать, Андрей издали увидел на лобовом стекле белый листок бумаги.

«За что штраф? — подумал Костров. — Кажется, я нигде ничего не нарушил. Может быть, простоял больше положенного?» Он взглянул на табло времени на тротуаре. Красный флажок не выскочил, у Андрея еще оставалось в запасе десять минут. Лишь подойдя к автомобилю, он понял, что это не талон на уплату штрафа, а небольшая записка, отпечатанная на пишущей машинке.

«Если ты, большевистская сволочь, не уберешься из Канады в двадцать четыре часа, то мы поступим с тобой так же, как поступали с коммунистами и жидками в годы войны. Привет!»

Через несколько дней в фойе подземного кинотеатра под небоскребом Костров намеревался провести пресс-конференцию для корреспондентов газет, радио и телевидения. Он решил показать им три фильма, а затем рассказать о программе советской декады, ответить на вопросы. Андрей рассчитывал на приход двадцати — двадцати пяти журналистов, но по опыту знал, что приглашения нужно разослать на семьдесят — семьдесят пять человек. Он решил

созвать сотрудников крупнейших и всех прогрессивных газет, журналистов, с которыми был лично знаком, и, кроме того, работников некоторых правых изданий. «Если они не отмолчатся, то даже отрицательные статьи послужат своего рода рекламой», — рассудил Костров. В многочисленные телевизионные и радиокомпании были также направлены приглашения.

...Хлопоты, связанные с подготовкой пресс-конференции, захватили Кострова.

Начало ее намечалось на шесть часов вечера, но уже днем появились операторы телевидения, а в половине шестого — корреспондент радио. Пока телевизионщики устанавливали и подключали свет, Костров в последний раз проверил программу, — все бобины были склеены правильно, аппаратура прогрета. К шести часам собралось уже немало людей. Мэри, почувствовав, что Костров нервничает, незаметно подсчитала пришедших и шепнула ему:

— Тридцать уже есть, будут и опоздавшие.

Костров задержал начало минут на десять — пятнадцать. Он сделал это умышленно: кто опаздывает — успеет к началу, а кто уже пришел — осмотрит выставленную рекламу, возьмет разложенные буклеты.

Прошло минут десять.

— Сорок семь, — сказала Мэри Кострову.

— Отлично. Начинаем. Господа, прошу в зал, — обратился он к журналистам.

Осмотрев буклеты, альбомы, журналы и отобрав необходимые, газетчики усаживались, оживленно обмениваясь первыми впечатлениями.

Костров попросил тишины.

— Сначала мы покажем вам фрагменты из двух фильмов. Это ленты о фашизме и о войне, в которую он вверг человечество, о жертвах и подвиге советского народа.

Андрей неоднократно убеждался в этом — девять из десяти канадцев, выросших и воспитанных после сорок пятого, ничего не знали о Сталинградской битве, Курской дуге, об ужасах минувшей войны, обрушенной фашизмом на советских людей, о Великой Победе нашего народа над гитлеризмом.

Когда погас свет, журналисты умолкли и заговорил экран.

...Маршировали штурмовики. Выли сирены. Гибли взрослые и дети. Рыдали вдовы и матери. Советские солдаты расписывались на стенах рейхстага...

Костров показал журналистам три части из «Обыкновенного фашизма» и три — из «Великой Отечественной». Эффект был для него несколько неожиданным.

— Почему вы не показывали эти фильмы у нас? — зло спросил его молодой мужчина в синем блейзере с морскими пуговицами.

— Их не покупали ваши прокатчики.

— Уж не хотите ли вы, мистер Костров, сказать, что они испугались коммунистической пропаганды?

Кто-то рассмеялся.

Костров спокойно поглядел в зал, произнес:

— Я хочу сказать, что прокатные фирмы вашей страны не проявили интереса к этим фильмам.

— Такого не может быть! Ведь показывали же у нас «Майн кампф»?!

— И тем не менее это факт. Прокатчики уверяли нас, что их никто не будет смотреть, что они не кассовые. Первая фирма, которая заинтересовалась нашими лентами,— «Розз энд Розз».

— Почему именно «Розз энд Розз»?

— Очевидно, потому, что президент фирмы Майкл Розз сам солдат, в годы войны дрался против гитлеровцев, познал ужасы фашистского плена...

Вновь погас свет. Когда журналисты смотрели мультипликационный фильм «Шайбу, шайбу!», в зале стоял хохот. Программу завершал широкоформатный фильм «Цирк на льду». Красочный, яркий, он вселял радость. Канадцы пришли в исступление при виде медведей на коньках, играющих в хоккей с шайбой,— взрывы восторга проносились по залу.

Наконец гостей пригласили на пресс-коктейль.

Внешне Костров выглядел спокойным. Но Мэри, успевшая уже изучить его, чувствовала, что он чем-то встревожен. Она внимательно оглядела стол. Нет, здесь все было в порядке.

— Дамы и господа, я надеюсь, что советские фильмы...

В этот миг в зрительном зале раздались взрывы. Гости замерли. Костров извинился и быстро направился к выходу. «Кажется, хлопушки»,— подумал он, берясь за ручку. Зал был наполнен клубами едкого дыма. «Ну конечно, хлопушки и дымовые шашки»,— понял Андрей.

— Мэри! — крикнул он.— Скажите механику, чтобы включил вентиляцию на полную мощность. А я позвоню в полицию.

Он бросился к телефону, который стоял у входа. Вдруг все погрузилось в темноту. Светились лишь витринные окна, выходившие на подземную улицу. Неожиданно одно из стекол рассыпалось со звоном, и тяжелый гаечный ключ влетел через пролом в фойе.

Костров вызвал полицию и теперь, ожидая ее прибытия, оглядывал людей и помещение. Паники не было. Журналисты с несвойственной им деликатностью даже не тревожили его вопросами.

Подключили запасное электропитание. Зажегся свет, и монотонно загудели компрессоры вентиляции. Молодой светловолосый парень, ассистент оператора с телевидения, стал проверять кабель, проложенный прямо по полу фойе. Он-то и увидел гаечный ключ, завернутый в бумагу, исписанную непонятным ему текстом. Парень протянул Кострову лист, на котором по-русски было нацарапано:

«Свобода! Убирайся отсюда, пока цел. И увози свою большевистскую пропаганду. Театр твой взорвем. Тебе свернем голову. Свободу Украине!!!»

Вместо подписи был нарисован трезубец.

Толпа перед разбитой витриной росла и вскоре запрудила подземную магистраль. Люди возбужденно переговаривались.

Наконец появились полицейские.

Пока они пробивались сквозь толпу, Костров еще раз огляделся по сторонам.

Журналисты толпились у телефона.

Невысокого роста полный газетчик кричал в трубку:

— Премьера декады русских фильмов не состоится: неизвестные взорвали кинотеатр. Ущерб подсчитать пока невозможно, но это тысячи долларов. В зрительном зале пожар. Дым валит из-за дверей. Количество жертв не установлено.

Кряжистый, широкоплечий журналист вырвал у него из рук трубку.

— Хватит врать, Фил! Для твоего листка этого вполне достаточно. Такого трепы и твоя вонючка не выдержит.

И, набрав номер своей редакции, через секунду спокойно диктовал:

— Сегодня в семь часов тридцать минут после полудня неизвестные пытались взорвать зрительный зал кинотеатра, в котором проходила пресс-конференция босса русского проката в нашей стране мистера Кострова. Со свойственной русским прямолинейностью Советы в своих фильмах хотят убедить, что в минувшей войне основной удар Гитлеру нанесли они. Взрыв в зале — очевидно, протест противников коммунистического режима в России. Мы можем их понять. Но форма их выступления вызывает сожаление.

Рослые бобби, раздвигая толпу, медленно приближались к кинотеатру. Журналист продолжал диктовать:

— Быстро прибывший наряд полиции не смог задержать виновных...

Костров тоже пробился к телефону, позвонил в Оттаву, в посольство, и рассказал о случившемся советнику по культуре Петрову.

— Ты не ранен? — спросил тот.

— Нет, обошлось без жертв и увечий.

— Хорошо. Я доложу послу и выведу к тебе. Во всяком случае, попытаюсь.

— Но это три часа быстрой езды, а уже темнеет.

— Попробую самолетом.

Полиция быстро закончила расспросы. Задерживать и впрямь оказалось уже некого, а в комнате для пресс-коктейля ничто не было нарушено.

— Господа, продолжим нашу беседу за столом...

Когда все уселись, Костров, обращаясь к журналистам, сказал:

— Вот в этот лист бумаги завернули гаечный ключ, которым разбили стекло. Послушайте, что здесь написано.

Сверкнули вспышки блицев. К Андрею протянулись десятки рук с микрофонами. Телеоператор, стоя на стуле, едва не плача, умолял журналистов:

— Парни, черт вас подери! Дайте снимать.

Костров прочитал записку. Потом перевел ее содержание на английский и на французский языки.

Когда беседа подошла к концу, кто-то спросил:

— Мистер Костров, а что будет с декадой советских фильмов?

— Она состоится, — уверенно ответил Андрей.

После окончания пресс-конференции Костров поднялся на поверхность и неторопливо побрел к парковке. Хотя воздух на улице был не так чист, как прошедший через кондиционеры в подземелье, дышалось здесь все же легче.

Вернувшись домой, Андрей обнаружил в своем ящике для корреспонденции конверт.

— Только что принесли, — сказал ему одноглазый портье.

Костров вошел в лифт. Пока кабина плавно ползла вверх, он открыл сложенный втрое конверт, служивший одновременно и бумагой для письма. Ровным почерком по-английски было написано: «Пока вы не перестанете преследовать евреев и не выпустите их в Израиль, работать здесь мы вам не дадим. Не уедете сами — отошлем в цинковом гробу. Свободу советским евреям! Лига защиты евреев».

И внизу под письмом — шестиконечная звезда Давида.

Розз-старший поглядел на часы и вспомнил, что нужно включить телевизор и посмотреть сообщение о пресс-конференции Кострова.

Коробочка пульта дистанционного управления лежала рядом на ковре. Майкл нащупал ее и, не глядя, настроил телевизор на нужную программу.

Он услышал лишь конец фразы и сразу узнал голос Андрея. На экране был русский. К нему тянулись руки с микрофонами, мигали вспышки.

— Мистер Костров, а что будет с декадой советских фильмов? — спросил кто-то.

— Она состоится.

На экране возник следующий сюжет последних известий.

Майкл вскочил, бросился к двери, которая в это время отворилась.

— Извини, дорогой, но тебя к телефону, — сказала жена.

Майкл был уверен, что это звонит Костров, и, не спросив, кто говорит, сразу потребовал ответа:

— Что стряслось, Эндрю?

Костров сообщил о провокации.

— А убытки? — спросил Майкл. — Что разрушено?

— Кроме одного витринного стекла и рекламы, ничего.

— Насчет рекламы ты опять не продешевил, — возразил Майкл. —

По сути дела, стоимость стекла должен бы оплатить ты. Благодаря этим идиотам ты вновь создал такую рекламу, какую не сделаешь за десятки тысяч. Через тридцать минут все телевизионные компании по всем каналам страны сообщат о том, что русские и фирма «Розз энд Розз» устраивают декаду советских фильмов. Ты настоящий парень, Эндрю, и ты правильно сказал этим ребятам: декада состоится. И начнется она вовремя.

— Надеюсь, — ответил Костров.

Розз-старший вернулся в свою комнату и только раскурил хорошую сигару, как в дверях вновь появилась жена:

— Дорогой, тебя опять просят к телефону... Это мистер Горфункель.

Розз-старший выругался про себя, однако поднялся: Горфункель — отец той самой девушки, которая приглянулась его сыну.

— Мистер Розз, надеюсь, я не нарушил ваш отдых и не оторвал от занятий? О'кэй. Только что увидел по телевидению скандал в вашем кинотеатре. Думаю, нам следовало бы поговорить на эту тему, я искренне переживаю за вас.

— Конечно, мистер Горфункель, буду рад встретиться.

Вновь пронеслась мысль: «Все-таки три завода, и девочка, кажется, неплохая».

Договорились на завтра, на десять утра. Он еще раз посмотрел последние известия, полистал выпуски вечерних газет и отправился спать. Впрочем, ночь он провел плохо. Майкл долго ворочался с боку на бок и наконец разбудил жену.

— Что с тобой? — спросила она.

— Дай мне снотворное.

Она удивилась: Майкл никогда не принимал лекарств и всегда упрекал ее за увлечение медикаментами.

Ровно в десять утра Горфункель позвонил в офис фирмы «Розз энд Розз».

— Приезжайте, мы вас ждем, — сказал Майкл.

Владелец заводов картонной тары — мужчина средних лет, с холеным красивым лицом, на котором выделялись чуть прищип-

ренные, черные глаза. Взгляд их был одновременно осторожен и упрям, деликатен и груб.

— Мистер Розз, — начал он, — я приехал к вам и к вашему брату как друг. Надеюсь, в этом нет никакого сомнения?

Майкл машинально кивнул. «Начало банальное», — подумалось ему.

— Вы не можете сомневаться уже хотя бы потому, что, может статься, наше будущее где-то переплетется. Однако ближе к делу. Скажите, Майкл, сколько вы рассчитываете заработать на русской декаде?

— На бюджете наших детей, если он будет общим, это не отразится в худшую сторону, — улыбнувшись, ответил Майкл.

— А все-таки?

— Я еще не подсчитал окончательно.

— Давайте прикинем вместе. Общее количество мест в купленных и арендованных вами залах в разных городах равно трем тысячам двумстам. По два сеанса в день. Это шесть тысяч четыреста билетов. В среднем по два доллара пятьдесят центов за билет. Это составит шестнадцать тысяч в день. Примем посещаемость за шестьдесят процентов. Девять тысяч шестьсот. Помножим на десять дней. Девяносто шесть тысяч долларов. Долой сорок процентов русским, долой налоги, расходы на рекламу, аренду и тому подобное. Итого у вас останется тысяча двадцать пять — тридцать. Верно?

— Допустим, — сухо ответил Майкл. Его неприятно поразила осведомленность Горфункеля.

— Так вот, есть люди, которые дадут вам пятьдесят тысяч.

— Условия?

— Русская декада не должна состояться.

— Это исключено. Скажите, вы имеете отношение к вчерашним событиям в кинотеатре под небоскребом?

— Упаси боже! Разве я похож на бандита?

— Ни на цент. Но цель у вас, очевидно, одна. Почему?

— Мы не хотим, чтобы коммунисты имели возможность вести пропаганду в нашей стране.

— Если можно, точнее. Кто это «мы»?

— Еврейская община. Мы против происков русских в Канаде.

— Ваше предложение заманчиво, Сэм, но я хотел бы уяснить альтернативу. Если я не приму его, то...

— В Канаде сотни тысяч евреев, и все смотрят кино. А ведь можно и не пойти в кинотеатр, который принадлежит братьям Розз или где они показывают свои фильмы. Кроме того, евреи владеют многими кинотеатрами и могут перестать пользоваться услугами вашей фирмы. Во имя чего вам идти на такой риск?

Взгляд Майкла стал жестким.

— Я не могу принять ваше предложение, Сэм. Ваши пятьдесят тысяч — это тридцать сребренников Иуды. А мы с вами уже выяснили, что одинаково относимся к предателям.

— При чем здесь предательство? Какие обязательства могут связывать делового человека с коммунистами? Они наши враги!

— Нет, не во всем. Вместе с ними я воевал против фашистов в минувшей войне.

— Неужели вы не понимаете, что он агент Москвы?

— Он мой друг, — отчеканил Майкл.

— Друг?! Согласитесь, звучит фальшиво: вы бизнесмен, он коммунист.

— Это зависит от слуха.

— Подумайте, наконец, о наших детях!

— Я бы перестал уважать себя, если бы оставил в наследство сыну деньги, нажитые предательством.

...Владелец прокатной фирмы и хозяин картонных заводов расстались сухо.

Костров купил утренние выпуски газет. Завтракая, он пролистал их и в каждой нашел сообщения о пресс-конференции и о вылазке налетчиков. Это устраивало Кострова — получилась дополнительная реклама.

Позавтракав, Костров еще раз спустился в подземный кинотеатр. Стекло уже устанавливали. Он поинтересовался делами у кассира.

— Плохо, — ответил тот. — Сегодня продано всего семьдесят билетов.

Но Костров был доволен. Ведь до этого дня, несмотря на ежедневные сообщения в двух газетах, покупали не более десяти — пятнадцати в день.

— Послушай, Майкл, кажется, дела идут на лад, — сказал Андрей, входя в кабинет братьев.

Розз-старший не стал рассказывать Кострову о своей беседе с владельцем заводов картонной тары, вызвавшей у Майкла совсем не ту реакцию, на которую рассчитывал Сэм Горфункель. Поэтому Костров был удивлен, услышав от Майкла:

— Я звонил Рыжему в Торонто и поручил ему вылететь в Виннипег и Ванкувер. Если ты согласен, «Розз энд Розз» арендует или купит кинозалы в этих городах.

Это озадачило Кострова: первоначально братья отказались от проведения декады в двух западных городах.

— Условия?

— Те же, — ответил Майкл.

— Хорошо. Окончательный ответ завтра утром, — сказал Костров. — А ты добейся согласия вашего МИДа.

— Ол райт, — кивнул Розз.

Разговор с Москвой о продолжении декады на Западе состоялся ранним утром. На этот раз Костров позвонил самому председателю объединения. Тот поддержал его.

— Организуйте и подготовьте все, что необходимо. Срок командировки продлим.

Андрей спросил, может ли на открытие приехать делегация кинодетелей.

— Да. — Председатель назвал постановщика и двух известных артисток. — Вам направили копию только что снятого фильма. Покажите его владельцам прокатных фирм и доложите о результатах. Переговоры нужно завершить до отъезда из Канады.

Костров положил трубку и задумался. Он видел фильм перед отъездом в Канаду и понимал: продать такую картину будет нелегко. Сделанная талантливо и правдиво, она была гимном русскому солдату, его подвигу в минувшей войне, преданности Советской Родине.

В девять часов утра Андрей был в офисе фирмы.

— Мистер Костров, я положила вам на стол извещение о прибытии груза и телекс из Москвы, — сказала Энн.

В извещении сообщалось о том, что на его имя прибыл груз, который он может получить в аэропорту Дорваль с девяти утра до пяти вечера ежедневно.

В телексе русские слова были напечатаны латинскими буквами, что всегда вызывало у Кострова улыбку. «Делегация прилетает рейсом Аэрофлота 7 мая. Обеспечьте гостиницу. Один мужской, два женских. Санин».

Всю вторую половину дня чувство тревоги не покидало его. Он напряженно ждал вечера: что и как скажет Пшебыльский?

Ровно в восемь тридцать Костров включил телевизор. Пшебыльский говорил о войне и мире.

— Но чтобы царил мир, его необходимо беречь, а для этого нужно ненавидеть войну. А чтобы ненавидеть, надо знать, что она собой представляет. Я сделал все для того, чтобы вы увидели своими глазами, что такое война и фашизм. Вы посмотрите отрывки из документальных советских фильмов. Я не могу показать эти ленты по телевидению целиком — для этого нужны многие часы и большие деньги. Но каждый честный человек сможет увидеть их целиком.

Пшебыльский зачитал названия фильмов, указал часы и дни и дважды повторил адрес кинотеатра.

Именно на такое выступление пользующегося уважением старого учителя и рассчитывал Костров.

...Около двух часов ночи зазвонил телефон. Андрей проснулся и поднял трубку.

— Это я, Эндрю,— услышал он усталый голос Мэри.— Вы еще не ложились? — с надеждой спросила она.

— Д-да,— неуверенно ответил Костров.— А почему вы не спите? Вам необходимо отдохнуть.

— Все мы отдохнем в свое время,— мрачно пошутила она и добавила: — Эндрю, не сердитесь, что я называю вас так. Осталось уже совсем немного, разрешите мне эту маленькую вольность. Но звоню я, чтобы сказать, что если вы согласны, я брошу здесь все и уеду в Москву. Я не претендую на замужество, мне только бы видеть вас.

— Не надо, Мэри,— сказал он мягко.— Мы же договорились, что расстанемся друзьями.— Андрей услышал, как она вздохнула.— Поверьте, друг — это много, а вы умеете быть им. И, по-моему, я тоже. Хотя об этом не стоило говорить, особенно по моему телефону.

— Мне на них наплевать,— спокойно ответила Мэри, и он тут же услышал редкие гудки.

«Ил-62» приземлился в аэропорту Дорваль в три часа дня.

Букеты цветов, вспышки блицев, первые интервью, схваченные на лету, создавали у кинематографистов хорошее настроение, и все радостно улыбались друг другу. Пока проходили таможенные и пограничные формальности, режиссер сказал Кострову со смехом:

— Я вам привез буханку ржаного и письмо.

— Спасибо.

...Костров решил показать фильм Майклу Роззу сразу же, пока прилетевшие будут отдыхать.

— Это тоже для декады? — спросил Майкл.

— Нет, но если он тебя заинтересует, то можешь купить.

Устроив своих в отеле, Костров предупредил:

— Я заеду за вами в пять часов. Посмотрим город, поднимемся на гору, оттуда хорошо виден весь Монреаль. А вечером прокатная фирма приглашает вас на ужин.

Фильм Костров и Розз смотрели в зале кинотеатра под небоскребом. Андрей видел, что картина понравилась Майклу. Однако, когда зажегся свет, он, не поднимаясь с кресла, сказал:

— Понимаешь, Эндрю, все бы ничего, но лента длинновата. Из двух серий нужно сделать одну. Иначе я не заработаю, а прогорю на этом деле.

Костров в глубине души был согласен. Да, фильм действительно несколько затянут, и дома, в Москве, он сам постарался бы убедить режиссера сократить метраж.

Но сейчас Андрей Николаевич думал о другом. По опыту он знал: если картина продается в капиталистическую страну, прокатчик будет настаивать на таких сокращениях, которые выхолостят или исказят ее идею. Они постараются свести дело к истории «вообще», или к любви

«вообще», либо к современнику «вообще» и вырезать все, что несет социальную нагрузку, что отличает кинопроизведение, делает его советским.

Майкл Розз не составлял исключения в этом подходе к фильмам, и Костров с интересом ждал, что он предложит, но тот ушел от немедленного разговора.

— Ты подумай. Может быть, посоветуешься с Эйбом?.. Хотя ему-то лента наверняка не понравится.

Костров сказал это нарочно и понял, что сделал верный ход.

— Мой братец понимает в этом столько же, сколько я в китайской грамоте. Сам разберусь.

Договорились встретиться завтра утром втроем: Костров, Розз-старший и режиссер.

Переговоры и впрямь затянулись. По дороге из отеля в офис фирмы «Розз энд Розз» Костров предупредил режиссера:

— Мы заинтересованы в продаже вашего фильма. Но больше, чем в деньгах, мы заинтересованы в том, чтобы сохранить ленту такой, какая она есть. Не уступайте. По опыту знаю: они постараются выхолостить все главное.

И вот уже третий час подряд в кабинете братьев шел бой. Майкл Розз настаивал на сокращении времени демонстрации фильма до одного часа сорока пяти минут.

— Вот наш план перемонтажа.

Он протянул Кострову монтажный лист. Красным фломастером были помечены планы и эпизоды, которые, по мысли старшего компаньона, следовало убрать.

Костров перевел режиссеру предложения фирмы, и тот возмутился:

— Но тогда получится лента в духе обычного вестерна. Ничего русского и советского в ней не останется. Такие картины в Голливуде штампуют быстрее и лучше, чем мы, и с более популярными в Америке актерами.

— Но зачем вам понадобилось показывать ретроспективные куски довоенной жизни героя? — горячился Майкл. — Ну, например, что он ездил отдыхать на Кавказ за счет завода, или как он учился ночами, по вашему выражению, «без отрыва от производства», и бесплатно слушал лекции в университете? Это не имеет отношения к фабуле, замедляет действие, растягивает фильм. Ведь главное для зрителя — видеть, что он храбрый человек, герой и как он воевал!

Но режиссер не мог согласиться с ним:

— Нет, не то. Для меня было важно показать, почему он храбро воевал, во имя чего рисковал жизнью. Только это облагораживает и возвеличивает его подвиг.

— А во имя чего сражались американские солдаты? — возразил Розз.

— Они тоже любили свою родину, но это иная любовь. Я же хотел показать истоки преданности советского солдата своей социалистической Родине, а не фильм о патриотизме вообще.

— Не спорь, Майкл, — вмешался Андрей. — Ты ведь сам знаешь, что были и у Гитлера храбрые солдаты, но это не те герои, к которым ты или я можем относиться с уважением.

— Это — другое дело. То фашистские головорезы, и у них были совсем не те идеалы, за которые дрались мы, — раздраженно перебил Майкл.

— Верно, — сказал Андрей, — в этом-то все дело, не те идеалы. А фильм как раз про идеалы, которые вдохновляли наших советских парней на подвиг. То же, что ты предлагаешь сделать с фильмом, выхолостило бы его. Ведь идея — плоть этого фильма!

— Но поймите же вы, что я не коммунист и Канада — страна с совсем другим политическим устройством. Я прогорю с вашим фильмом, потому что в нем ваша коммунистическая идея, — раздраженно ответил Розз-старший.

Костров рассмеялся.

— А чего же ты хотел бы? Чтобы коммунисты проповедовали в своих фильмах идеи капитализма?

— Нет, но общечеловеческие хотя бы! — взмолился Майкл.

— Коммунизм — идея общечеловеческая, — парировал Костров.

— Черт бы вас побрал! С вами нельзя даже торговать, не вдаваясь в политику, — буркнул Майкл. — Ладно, я подумаю и о своем решении сообщу тебе в Москву.

— Нет, ответ ты должен дать мне до отъезда. Если фильм не нужен тебе, его купят другие.

— Ты берешь меня за горло, Эндрю. Ведь мы старые друзья и партнеры. Как же ты можешь грозить мне, что продашь ленту другим?!

— Я не угрожаю и не изменяю нашей деловой дружбе. Ты первый, с кем мы ведем переговоры об этом фильме. Но если ты не хочешь или не можешь купить, то, сам понимаешь, нам ничего иного не остается, как предложить его другим.

— Хорошо, — сдался Майкл Розз. — Ты получишь ответ до конца декады.

— Извини, старина, но так дело не пойдет. От твоего решения зависят мои дальнейшие планы: лететь домой или в Штаты и вести переговоры о продаже фильма с другой компанией.

— Сколько же времени ты мне даешь?

— Пять дней хватит?

— О'кей, — кивнул Майкл и хмуро повторил: — Ты настоящая акула! Но, как у вас говорят, бодливой корове бог рогов не дает. Слава богу, что ты в России, а не у нас — от тебя бы не было спасения.

...Через три дня Розз-старший сказал Кострову:

— Я покупаю фильм.

Мэри позвонила в фирму, надеясь застать там Кострова. Ей повезло.

— Я очень прошу вас прийти в сквер возле станции метро. Я жду здесь на скамейке возле остановки автобуса...

Мэри сидела, положив ногу на ногу и обхватив правое колено красивыми длинными пальцами. Слегка наклоненные вперед плечи были бессильно опущены. На ее прекрасном, почти лишенном косметики лице светились нездоровым, лихорадочным блеском глаза.

Андрею стало больно смотреть на нее.

Костров направился к Мэри. Увидев его, она поднялась и, не здороваясь, сказала:

— Давайте простимся...

— Конечно, — ответил он.

Она повела его на станцию метро, где под землей было много небольших магазинов.

— Купите мне что-нибудь на память, — просто сказала она.

В магазинчике, где торговали журналами, газетами, книгами, открытками, на прилавке стоял мохнатый медвежонок.

Андрей перехватил взгляд Мэри, смотревшей на игрушку.

— Это маленький гризли, — сказала она. — А какие медведи в России? Ведь недаром же говорят про вас: русские медведи.

Андрей улыбнулся.

— Наши медведи называются бурыми.

— Значит, маленький медведь будет буренка.

Костров рассмеялся.

— Буренками у нас обычно зовут коров, а маленького медведя называют медвежонок.

— Нет, Буренок лучше, — упрямо сказала она и попросила: — Купите мне Буренка.

Когда медвежонок очутился в ее руках, она двумя пальцами потрясла его лапу и сказала по-русски: «Здравствуй, Буренок! — Затем добавила по-английски: — Уж ты-то будешь меня любить?»

Она вышла с ним из магазина, сделала несколько шагов и остановилась.

— Эндрю, скажите мне, что я могу приехать в Москву и что вы этого хотите.

— Я этого не хочу, Мэри.

— Ну и черт с вами! — Она не извинилась. — Будьте коммунистом или капиталистом, христианином или иудеем, буддистом или мусульманином — мне все равно. Но только будьте. Я стану тем же, кем и вы. Я буду драться за светлое будущее для всех или только для нас с вами, за бедных или за богатых. Мне все равно, лишь бы с вами.

Костров молчал. Они прошли еще немного, и Мэри вновь остановилась.

— Розз-старший предложил мне очень выгодный контракт — быть его администратором в Оттаве. На реактивном самолетике Майкла это двадцать минут полета от дома и в то же время очень далеко от жены и брата. И я буду встречать его.

Мэри поглядела на Кострова в упор, отчаянно и, пожалуй, зло. Это был взгляд, который дается человеку в редкие минуты жизни и который проникает каким-то чудом в святая святых души человеческой. И она увидела то, что хотела увидеть и о чем сам Андрей не догадывался, потому что любил другую женщину, иную жизнь. Она догадалась, что сделала ему больно, и была рада, что хоть этим ворвалась в его душу.

А Костров вдруг понял каким-то неведомым ему доселе чувством, что Мэри угадала смятение, вызванное ее словами. Да, он не хочет, чтобы она продавала Майклу суррогат любви, но никогда не скажет ей об этом. Но почему? Из ревности? Нет, ревности не было — ведь он не любил ее. Тогда что же? Просто жалость к красивой женщине, которая устала драться за себя?

Костров предложил на закрытии декады показать новый фильм: он хотел воспользоваться присутствием режиссера и актрис. Розз согласился.

Создатели фильма обрадовались, так как им не терпелось проверить действенность произведения здесь, за океаном, на зрителе, воспитанном в основном на лентах Голливуда.

В день заключительного показа Кострова разбудил телефонный звонок. Прежде чем подойти к аппарату, он взглянул на часы. Была половина восьмого утра. «Кто еще в такую рань?» — подумал он и снял трубку.

— Простите, Эндрю, это я. Всю ночь не сомкнула глаз. У меня очень тревожно на душе: я чего-то жду и боюсь, очень боюсь за вас...

— А медвежонок? — пошутил Андрей.

— Он тоже, — ответила она. И добавила: — Вы зря смеетесь, я верю в предчувствия.

До вечера он не видел Мэри, но она дважды звонила ему. Один раз она застала Андрея в фирме, второй раз, уже под вечер, дома, куда он заехал переодеться перед кинотеатром. В голосе ее угадывались напряжение и тревога. Эти чувства передались и ему, хотя он не понимал причин. Теперь он тоже ждал удара.

В кинотеатр приехали перед самым началом сеанса. «Шевроле» медленно тащился по улице, стиснутый потоком машин. Впрочем, задержка никого не взволновала: еще раньше решили, что Костров представит артистов публике после окончания сеанса. Так разговор будет предметнее.

Когда в зале зажегся свет и две очаровательные актрисы, держа за руки режиссера, вышли на небольшую авансцену перед экраном, разразившиеся аплодисменты не смолкали несколько минут. Зрители поднялись со своих мест и двинулись к экрану. К кинематографистам обращались на русском, украинском, польском, английском и французском языках. Их благодарили, у них просили автографы. Люди тянули к ним руки, размахивая книгами, журналами, газетами, проспектами, блокнотами и просто листками белой бумаги.

Костров увидел, как из толпы выбрался невысокий коренастый старик. Он направился в угол зала, поднялся на авансцену и подошел к режиссеру.

— Громкин я, Иван... с-под Полоцку. Усе туточки правда, правду ен показав... Спасибо тебе, сынку, спасибо вам усим, спасибо нашей России, что она есть... А мы... эх... — Он безнадежно махнул рукой, тяжело ступая, спустился в зал и скрылся в толпе притихших вдруг зрителей.

Андрей увидел Мэри сквозь витринное стекло фойе кинотеатра на подземной улице. Левой рукой она прижимала к груди медвежонка. Его поразило выражение тревоги на ее лице. Андрею даже показалось, что она улыбнулась ему, но это длилось лишь мгновение.

Последние зрители вошли в зал, и оттуда послышались первые аккорды музыкальной фонограммы.

— Я так волновалась, — виновато сказала Мэри. И тут же добавила, будто оправдываясь: — Я даже не могла сесть за руль и приехала на такси. Эти два критика приехали из Чикаго специально для того, чтобы встретиться с известным советским режиссером.

Критики плохо знали советское киноискусство. Костров едва успевал переводить их вопросы и ответы режиссера. На некоторые вопросы отвечал сам, но и тогда все равно ему приходилось переводить их вопросы и свои ответы, чтобы всем было интересно. В то же время он пытался вспомнить, на кого они похожи.

Заговорили о творчестве Сергея Эйзенштейна и, естественно, о проблемах формы и содержания в современном киноискусстве.

Из зрительного зала донеслись звуки баяна и слова протяжной солдатской песни. Фильм подходил к концу.

А спор был в самом разгаре. Переводить становилось труднее, так как говорить пытались все сразу, перебивая друг друга, темы искусствоведения переплелись с политикой, историей, психологией. Молодые люди ежесекундно поправляли очки, а известный режиссер забыл, что ему не к лицу говорить слишком быстро и жестиковать при этом руками. Обе актрисы предпочитали сидеть молча, с приличествующей моменту маской серьезности.

Из зала донесся грохот танков.

— Пошла последняя часть,— сказал режиссер.— Через десять минут нам выходить.— Вдруг глаза его испуганно расширились:— У меня нет с собой ни одного буклета по фильму, ни одной фотографии!

— Да, досадно,— согласился Костров.

— Не досадно, а просто катастрофа. Как выступить без этих материалов? На чем я и мои очаровательные коллеги будем писать автографы? Не подумайте, что меня волнует слава, нет, но это возможность лишний раз напомнить о нашем борющемся киноискусстве, не так ли? — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Согласен, — сдержанно ответил Костров.— Но все это лежит сейчас в офисе фирмы, а я не могу поехать туда, оставив вас одних.

— Я понимаю, но как же быть? Без этих фотографий нельзя. Я же специально вез их из Москвы! — сокрушался режиссер.

Костров понимал, что получилось нескладно и виноват в этом в первую очередь он сам. Именно он забыл фотографии на столе в офисе. Нужно поехать за ними, но как можно оставить сейчас делегацию? Познаний Мэри для такого разговора явно недостаточно. Отлучись он, Костров, на двадцать минут, и никто не знает, какие мысли вложат критики в уста советского режиссера из-за неточного перевода. Ведь они сказали, что будут писать о его творчестве большую статью...

Мэри внимательно следила за происходящим. Она угадала, что волновало Кострова, и на минуту задумалась. Затем в ее глазах вспыхнула радостная искорка.

— Эврика! — сказала она.— Дайте ключи от вашей машины, Эндрю. Я мигом вернусь. Но я без машины, такси сейчас поймашь не сразу...

Он медленно опустил руку в карман пиджака, нащупал ключи и протянул их Мэри.

— Я мигом. Пока вы представите их, потом они будут что-то говорить и вы тоже. Я успею...

Мэри на ходу подхватила пальто и с медвежонком в руках скрылась в дверях. Последнее, что он увидел, это рассыпавшийся по плечам шелк волос и стройную фигуру.

Мэри поднялась вверх, отыскала машину Андрея, уселась поудобнее, передвинув сиденье по своему росту. Впервые за этот день на душе у нее было спокойно. Она радовалась, что может помочь.

Осторожно вывела «шевроле» из ряда выстроившихся у тротуара машин. «Два «крайслера», два «бьюика», два «форда», один «пontiак», — машинально подсчитывала она, объезжая стоявшие машины.

Из «пontiака» вылез человек и быстро подошел к телефону-автомату под небольшим козырьком...

Режиссер был раздосадован: фотографии так и не успели вовремя, однако разговор получился хороший и полезный. Казалось, Костров должен остаться довольным, но он почему-то нервничал, что было неприятно режиссеру и хорошеньким артисткам.

Полицейский инспектор задал Кострову несколько вопросов. На письменном столе лежал Буренок. Костров смотрел на него, не отрываясь.

— Было в машине. Ваше? — спросил инспектор.

— Да.

— Можете взять.

Андрей взял игрушку в руки. На шерсти было несколько темных пятен. Ворсинки слиплись и затвердели. «Кровь... Ее кровь», — понял Андрей.

В ночном выпуске новостей все телевизионные каналы передали сообщение о катастрофе. Показывали пленку с места происшествия. Вот тело Мэри с трудом извлекают из машины. «Она любила придвигать сиденье близко к рулю, — вспомнил Андрей, — но при таком ударе это ничего не меняло». Рядом с исковерканным «шевроле» стоял «даймонд» с поврежденным радиатором. На экране еще был виден поднимающийся от воды пар.

Диктор бесстрастно пояснял, что «шевроле» был зажат между двумя тяжелыми грузовиками. Затем передний резко затормозил, и «шевроле» врезался в него, а второй ударил легковую машину сзади. Потом оба шофера удрали на переднем «даймонде» и бросили его в полутора милях от места происшествия. Полиция ведет поиск.

«Шевроле» был взят в аренду советским кинопродюсером Андреем Костровым. Мистер Костров неоднократно получал предупреждения о готовящейся расправе. Однажды уже была совершена попытка покушения.

На рассвете приехал из Оттавы советник и с ним еще два сотрудника посольства, чтобы проводить Кострова. Вечером того же дня он улетал на Родину. Похороны откладывались на неопределенное время, так как откуда-то из Латинской Америки должны были прибыть родственники погибшей.

— Дело сделано, — сказал Майкл Кострову, когда они пили кофе в кабинете братьев Розз. — Причем сделано неплохо. Мы заработали больше, чем предполагали.

Кострова неприятно поразил тон старшего компаньона, и он намекнул ему об этом.

— Что поделаешь, Эндрю, жизнь — всегда война. Кто-то побеждает, кто-то погибает... А девочка была чертовски хороша...

В этот миг Андрею захотелось съездить Майклу по довольной физиономии.

Майкл угадал настроение Андрея.

— Может быть, плюнем на дела и махнем дня на три на север, на рыбалку? Там изумительная природа, а лососи сами идут в руки.

— Нет, я поеду домой, — сказал Костров. — Не сердись, ты должен понимать меня. Нелепость и несправедливость такой смерти... Ведь здесь не фронт... Если бы они расправились со мной, в этом было бы больше логики...

Обычно возвращение домой бывало едва ли не самым счастливым временем в любой командировке. Но сейчас, в эти предлетные минуты, он, пожалуй, испытывал только боль и тревогу. Они переполняли его, вытесняли чувство ожидания счастливой встречи, притупляли радость одержанной победы.

...Когда они наконец совершили посадку в аэропорту Шереметьево, был чудесный майский день. Но на душе у Кострова было тревожно.

Войдя в зал для встречающих, он увидел Сашеньку, Анютку, отца, мать, Геннадия Сергеевича. Андрей замер на миг, прижав к себе жену, и вдруг почувствовал, будто петля захлестнула ему горло и давит, давит. Это длилось лишь миг, но Сашенька что-то почувствовала и вопросительно заглянула ему в глаза.

— Что с тобой, родной?

— Ничего, все в порядке...

Андрей брился после душа, а Геннадий Сергеевич стоял рядом и, дымя большой черной трубкой, рассказывал:

— Вчера в агентстве было партийное собрание. Выступал председатель, хвалил тебя. Сказал, что из посольства пришла бумага и в ней дана высокая оценка декаде...

Когда сели ужинать, было начало десятого. Анютка включила телевизор. Всем хотелось посмотреть программу «Время».

Прошли сообщения по нашей стране, потом из-за рубежа.

— Сейчас будут спортивные новости. Это уже неинтересно, — проговорила Анютка, как вдруг диктор сказал:

— Вчера в Монреале закончилась декада советских фильмов, посвященных двадцатипятилетию победы над фашизмом. Канадская печать, радио и телевидение дают высокую оценку представленным на декаде кинопроизведениям. По словам газеты «Ивнинг стар», главный

вывод, который могут сделать те четверть миллиона канадцев, что просмотрели русские фильмы, состоит в том, что народ, такой ценой завоевавший победу, не может хотеть войны.

Мы попросили нашего корреспондента в Канаде Ивана Николаева взять краткое интервью у руководителя делегации деятелей советского киноискусства на канадской декаде известного постановщика и актера Вячеслава Коренкова. Вот что он рассказал.

В кадре появился маститый кинематографист, а на втором плане две артистки слушали о чем-то увлеченно говорившего Майкла Розза...

— Я счастлив, что мы, делегация деятелей советского киноискусства, с честью выполнили нелегкую задачу, возложенную на нас. Декада в Монреале прошла успешно. Это итог напряженного труда моих очаровательных коллег и нашего гостеприимного хозяина, канадского продюсера мистера Майкла Розза...

— А ты? — спросила Анютка и вопросительно поглядела на отца. У Сашеньки от обиды навернулись на глаза слезы. Примолкли и мама с отцом.

Андрей переглянулся с Геннадием Сергеевичем. Тот выпустил клуб дыма, и они улыбнулись друг другу.

Лев Израилевич РУДНИЦКИЙ

ДЕКАДА

Редактор Е. Ф. Олейник

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 23.10.84. Подписано к печати 18.12.84. А 12910. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,09. Усл.-кр. отт. 2,98. Тираж 86 000 экз. Изд. № 74. Заказ № 3745. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ОБМЕН — ВМЕСТО РЕМОНТА

В мастерских ремонта
бытовой техники
можно обменять неисправную
электробритву
на заранее отремонтированную.
Оплачивается только стоимость
общего ремонта
и деталей внешнего оформления.
Ремонт бритвы длится
несколько дней.
Обмен требует нескольких
минут.

Что удобнее?

Росбытреклама